

В. Г. Вовина-Лебедева

Виктор Моисеевич Панеях в письмах Льву Ефимовичу Кертману

Личный архив В. М. Панеяха, включающий переписку с многочисленными отечественными и зарубежными учеными, находится сейчас в стадии передачи в Архив СПбИИ РАН¹. Среди корреспонденции выделяется переписка В. М. Панеяха со старшим двоюродным братом, многолетним профессором Пермского университета, крупным специалистом по истории Англии Львом Ефимовичем Кертманом.

Сохранились как письма В. М. Панеяха, адресованные Л. Е. Кертману (переданные Виктору Моисеевичу после смерти Л. Е. Кертмана), так и письма Л. Е. Кертмана. Однако в данной статье будут рассмотрены только письма В. М. Панеяха (71 письмо за 1954–1986 гг.).

Виктор Моисеевич считал, что для Б. А. Романова письма к Е. Н. Кушевой заменяли дневник². Мне представляется, что для самого В. М. Панеяха письма к Л. Е. Кертману были таким своеобразным дневником. Во всяком случае, по этим письмам

¹ Автор имел возможность работать с ним с разрешения дочери В. М. Панеяха А. В. Панеях.

² Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / составитель В. М. Панеях. СПб., 2010. С. 5.

можно проследить основные вехи его жизни и понять, как на те или иные события смотрел он сам. Уже на склоне жизни В. М. Панеях вспоминал о Л. Е. Кертмане: «Лёва был удивительно талантливым человеком, с исключительно сильным интеллектом, прекрасно гуманитарно образованным. Он выделялся глубоким знанием художественной литературы. Именно он научил меня понимать поэзию его кумира Бориса Пастернака. Сам Лёва тоже писал стихи, и был момент, когда он думал сделать это своей профессией. Лёва отличался общительностью, вокруг него всегда было много интересных людей разных профессий, а он постоянно был центром этого круга. Он оказал на меня могучее влияние, особенно в отрочестве и юности, в частности, и при выборе профессии. Впрочем, позднее, когда я стал профессиональным историком, у нас появились принципиальные разногласия (об этом ниже)³, но нашу дружескую близость ничто не омрачало, и она прервалась только его кончиной в 1987 г. (в 70 лет)»⁴.

Итак, перед нами — переписка историков. Как любая другая, она являет собой источник специфический. В отличие от прочих текстов личного происхождения, даже от дневников (которые можно, например, со временем править, а отосланные письма — уже нет), а тем более — от воспоминаний, письма часто фиксируют настроение автора в данный момент. Они в большинстве случаев пишутся не для публикации, а потому содержат порой резкие высказывания, которые автор не позволил бы себе в академической полемике. Во многом это зависит от склада характера и темперамента автора. В. М. Панеях был эмоциональным человеком, способным и в письмах, и в открытой полемике откровенно высказать свое мнение, что демонстрировал не раз.

³ Видимо, В. М. Панеях думал изложить суть разногласий с Л. Е. Кертманом в своих мемуарах, но не сделал этого. Однако эти разногласия становятся понятными из одного письма, о чем будем сказано ниже, см. с. 48, 52. Здесь и далее все сноски к тексту цитат из писем В. М. Панеяха не являются частью этих цитат, а принадлежат мне. — В. В.-Л.

⁴ *Вовина-Лебедева В. Г.* Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В. М. Панеяха // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4 (20). С. 234.

Кроме того, письма доносят высказывания о предметах и событиях, о которых автор мог иметь лишь отрывочные сведения, судить по слухам или искренне заблуждаться. К некоторым вопросам отношение автора со временем меняется. Это относится к оценкам как людей, так и положений. Но однажды написанное уже фиксирует данную характеристику, которая в любых письмах субъективна. Это всегда личный взгляд на события, причем взгляд в определенный момент. Тем не менее письма часто содержат очень важные для понимания времени и событий детали, и в этом их особая ценность, хотя нужно всегда учитывая природу этого источника.

При публикации писем или, как в нашем случае, — выдержек из них встает вопрос, хотел ли автор, чтобы его личные письма были обнародованы. Есть основания полагать, что В. М. Панях считал свои письма Л. Е. Кертману важными не только для него самого, но и для других. Во-первых, незадолго до смерти он привел в порядок свой архив и, по его собственному признанию, уничтожил те письма, которые не хотел делать достоянием гласности. Во-вторых, к письмам Л. Е. Кертману приложено шесть страниц, написанных рукой В. М. Паняха, под заголовком «Из моих писем Лёве Кертману». Они содержат ремарки, касающиеся содержания каждого письма, иногда выписки, очевидно, сделанные в конце жизни, когда автор разбирал и систематизировал свой архив. В некоторых случаях эти заметки раскрывают имя, прямо не названное в письме.

Мы рассматриваем в основном те письма или части писем, которые содержат материал по истории Ленинградского отделения Института истории АН СССР. При чтении этих выдержек следует помнить, что тогда это был не отдельный институт, как в настоящее время, а часть единого Института истории, размещенного по отделениям в Москве и в Ленинграде. В период, к которому относятся первые из сохранившихся писем, этот академический институт еще не размежевался на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Письма в значительной мере касаются связей ленинградских историков с головным институтом в Москве, событий, заметных в научных кругах,

в особенности тех, что складывались вокруг главных исторических журналов. Они также характеризуют личность В. М. Панеяха, его отношение к жизни, к науке и к себе как ученому.

Само количество писем В. М. Панеяха, адресованных брату, показывает стремление делиться с ним событиями своей жизни. Эта привычка, видимо, образовалась у Виктора Моисеевича с детства, хотя он, будучи совершенно чужд всякой сентиментальности, никогда не признавался в подобных чувствах и лишь отшучивался. Так, в письме от 15 января 1978 г., узнав о том, что у Л. Е. Кертмана случился инфаркт, он писал: «Боюсь, ты пошел по стандартному пути: раз профессор, то обязательно с инфарктом. И вообще это свинство с твоей стороны». Понятно, что В. М. Панеях не просто был тесно связан с Л. Е. Кертманом, но считал его жизнь и жизнь его семьи частью своей жизни. Например, в письме от 2 января 1979 г. он ревниво пенял ему за то, что узнал о сборнике, вышедшем в честь Льва Ефимовича, «из третьих рук»⁵.

Первые из сохранившихся писем относятся ко времени, когда В. М. Панеях оканчивал университет. В письме от 31 мая 1954 г. он сообщал: «предложили сделать еще один доклад в бывшем ЛОИИ⁶; хотелось бы позаниматься». Там же выражалось «рабочее пожелание <...> получить дипломную работу несколько ранее условленного срока, т. к. мне предложили сделать еще один доклад в бывшем ЛОИИ». Речь идет, видимо, о дипломной работе, находившейся на прочтении у Л. Е. Кертмана. В. М. Панеях просил вернуть ее для работы: «...условленный срок (1 мая)

⁵ Ревность была тут не вполне серьезна, поскольку друзья В. М., о которых идет речь в письме, принимали близко к сердцу все, что касалось Л. Е. Кертмана, радовались за него, и В. М. прекрасно это понимал: «31.XII в 18 час. ко мне ворвались Ананьич и Фурсенко — полушьяные и размахивая этим самым сборником <...> Подозреваю, что у Рани [Р. Ш. Ганелина. — В. В.-Л.] он тоже есть...» Будущие известные историки, академики Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко, член-корреспондент Р. Ш. Ганелин — друзья В. М. Панеяха на протяжении всей его жизни. См. о них ниже в тексте, а также примеч. 9, 11.

⁶ С 1953 до 1956 г. ЛОИИ (Ленинградское отделение Института истории АН СССР) было закрыто, почему и называется в письме «бывшим».

прошел, наступает лето, и желание поработать приобретает характер насущной необходимости. Так что прошу это дело форсировать». Следует учесть, В.М. Панях начинал не как человек, которому были предоставлены для научного творчества все необходимые условия. После окончания университета он работал в школе рабочей молодежи, поэтому занимался фактически урывками, и именно лето было временем таких занятий.

О тяжести заработка говорилось и в письме от 20 октября 1955 г. В.М. Панях жаловался на «глупую и утомительную» работу в школе и большую нагрузку, поскольку появилась «халтура» еще в одном техникуме. Из-за этих обстоятельств ему не хватало времени для работы над своей научной темой, и «дела академические» оказались «в загоне». Однако тут же сообщалось, что две статьи пошли в печать: в «Исторические записки» и в «Проблемы источниковедения»⁷.

Наиболее интересная часть последнего письма касается учителя В.М. Паняха Б. А. Романова, которого ученик называл в письмах «шефом», «стариком» и «старцем». Б. А. Романов получил из Москвы на отзыв диссертацию А. Л. Нарочницкого, но посылка задержалась на месяц, и предписание ВАК дать отзыв к определенному сроку привело к тому, что «старик возмутился и отказался рецензировать работу, но не отправил ее, предложив ВАКу, если ему это нужно, по его указанию передать работу кому-либо из ленинградских историков». По свидетельству В.М. Паняха, Б. А. Романов мотивировал это, кроме краткости срока, занятостью и болезнью, что соответствовало действительности: «Старик очень плох — у него поврежден глазной нерв, и это не раз давало полную потерю зрения. Сейчас у него обострение, и врачи запретили читать, по крайней мере, в течение двух месяцев». При этом корректура

⁷ См.: *Панях В.М.* К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. 1956. Т. 5. С. 210–230. О какой статье, отданной в «Исторические записки», идет речь, неясно. Первой статьей В.М. Паняха, опубликованной в «Исторических записках», была статья 1958 г. о заседании памяти Б. А. Романова.

его книги⁸ «идет очень быстро, но с большими препятствиями, волнениями, оппозицией и пр. <...> Старик лишь осуществляет общее руководство своей женой и учениками»⁹. Однако, по мнению В. М. Панеяха, была и еще какая-то причина отказа дать отзыв на работу А. Л. Нарочницкого. Последний написал докторскую диссертацию на тему «Агрессия европейских держав и США на Дальнем Востоке в 1882–1895 гг.». Это тема была, конечно, очень близка Б. А. Романову, но подход к проблеме у него, очевидно, был другим. Между тем, видимо, о рецензии на диссертацию А. Л. Нарочницкого просил Л. Е. Кертман: «Понимая, что это, так или иначе, тебе нужно, я еще до твоего письма, сразу по получении работы предложил ему (Б. А. Романову, — В. В. -Л.) прочитать вслух ее всю. Но старик даже слушать об этом не хотел, заявил, что умрет до окончания чтения, и что на том свете его будут укорять за столь варварское истребление моего времени»¹⁰.

⁸ Речь идет о 2-м издании книги: *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1947; 2-е изд. М.; Л., 1955. Б. А. Романов в этот момент беспокоился о продвижении первых статей В. М. Панеяха. Он писал Е. Н. Кушевой 1 марта 1955 г.: «Не слышали ли, как движутся “Проблемы источниковедения”? Там заботит меня судьба моего Вити (Панеяха) <...> Это — его второе выступление в печати. Третье готовится для “Исторических записок” и будет читаться здесь в апреле». См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 407.

⁹ Ученики Б. А. Романова помогли ему подготовиться к выходу в свет второе издание «Очерков...», прежде всего, А. А. Фурсенко и Б. В. Ананьич. В письме Е. Н. Кушевой от 13 февраля 1955 г. Б. А. Романов, который боялся не довести работу до конца, писал: «Некоторые надежды в этой процедуре я возлагаю на Сашу (которого я наименовал своим “преемником” по изданию)». См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 403.

¹⁰ В письме Б. А. Романова Е. Н. Кушевой от 8 мая 1955 г. так описывается сложившаяся вокруг этой диссертации ситуация: «Работаю сейчас на пределе — к 15-му должны сдать в полной готовности. На это дурацким образом наскочил диспут Нарочницкого — со звонками и письмами о том, чтобы я принял участие! Но я бессилен тут что-нибудь поделать. Что мне очень неприятно». А в письме от 2 августа 1955 г. сообщает: «...получил письмо от Нарочницкого с полупредупреждением, что

Относительно же «шансов на институт Истории», куда Б. А. Романов старался взять В. М. Панеяха, дело, как считал тогда Виктор Моисеевич, осложнилось, хотя ставки были обещаны, о чем писалось тогда с полным откровением: «Скрытая оппозиция появилась с неожиданной стороны — от одного из учеников Б. А., который работает в институте и пользуется влиянием». Из помет В. М. Панеяха на листках, приложенных к письмам (см. выше), явствует, что речь шла о А. А. Фурсенко: «Скрытая оппозиция моему зачислению в ЛОИИ от Саши, который выдвигает Борю¹¹. От Б. А. мы это скрываем». В письме приведено и объяснение того, почему, по мнению В. М. Панеяха, А. А. Фурсенко в тот момент предпочел бы взять в ЛОИИ именно Б. В. Ананьича, а не его: «Он зашивается с планом и, как я понимаю, хочет взять человека, которого можно было бы поэксплуатировать, не без основания полагая, что я для этого не годюсь»¹². Ситуация была, очевидно, напряженной. В. М. Панеях

ВАК послал его диссертацию “в Ленинград”, и просьбой дать отзыв! А это более 70 листов. И дело неприятное. Да сейчас оно мне и не по силам». См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 420–421, 428.

¹¹ В. М. Панеях нигде не описывал этот эпизод отношений со своими друзьями, хотя и посвятил им целую главу в книге о Б. А. Романове (*Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов*. СПб., 2000. С. 341–349). В письме чувствуется уязвленность автора тем обстоятельством, что Б. А. Романов первым не сообщил ему об изменении обещанной ему «очередности». В таких вещах В. М. Панеях всегда был очень щепетилен сам и ожидал этого от других. Но он не уничтожил это письмо и, более того, спустя много лет снабдил его пояснением. Поэтому мы привели выдержку из него: она показывает, сколь важным для автора было попасть в ЛОИИ. Однако данный эпизод никак не сказался на дальнейших отношениях в кругу учеников Б. А. Романова. Б. В. Ананьич и А. А. Фурсенко оставались до конца жизни В. М. Панеяха его ближайшими друзьями. Вместе с еще одним учеником Б. А. Романова Р. Ш. Ганелиным эта группа многие десятилетия была одним из наиболее влиятельных центров не только в ЛОИИ, но и в Институте истории в целом.

¹² В. М. Панеях писал в книге о Б. А. Романове, что у А. А. Фурсенко из-за чрезмерно напряженной работы через год после поступления в аспирантуру (т. е. в 1952 или 1953 г.) произошел нервный срыв. См.:

писал Л. Е. Кертману: «Я делаю вид, что ничего не знаю — сейчас еще рано что-либо предпринимать. От старика мы это скрываем, хотя, конечно, не договаривались. Б. А. всегда был очень доволен сплоченностью окружающей его группы, а тут такие дела. Я ему все это, конечно, изложу, но после 21.10. — срока сдачи последней сверки книги. Пока сверка не сдана, старик все равно не годится ни в какое дело, т. к. одержим книгой. Если же ему сказать преждевременно, то толку все равно не будет, а последствия для него учесть невозможно».

Как явствует из нижеследующего, речь шла не о том, кого из учеников Б. А. Романова брать в ЛОИИ в принципе, а о назначенной последним определенной очередности этого приема, о перемене которой Б. А. Романов не сказал В. М. Панеяху. Ситуация очень скоро разрешилась, она была объяснена и проанализирована в сохранившемся письме к Виктору Моисеевичу

Панеях В. М. Творчество и судьба историка... С. 344–345. Научные интересы А. А. Фурсенко и Б. В. Ананьича в это время были близки. В 1954 г., за год до написания разбираемого письма А. А. Фурсенко защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экспансия американского империализма в Китае в 1895–1900 гг.», а в 1956 г. по ней вышла его книга «Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895–1900». Б. В. Ананьич же работал вместе с Б. А. Романовым над расширенным вариантом сборника материалов по истории финансовых отношений Россия и Запада. Сборник должен был называться «Внешние займы царизма 1891–1914 гг.» или же (вариант названия) — «Русские финансы и европейско-американский финансовый рынок (1891–1913)», представляя переработанный вариант сборника 1926 г. «Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг.». Вскоре у Б. В. Ананьича и А. А. Фурсенко вышли работы на близкие друг другу темы, они помещены в 1-м томе Трудов ЛОИИ. В. М. Панеях же был специалистом по другой эпохе, так что на помощь с его стороны А. А. Фурсенко, действительно, не мог рассчитывать. См.: *Ананьич Б. В.* Русское самодержавие и внешние займы в 1898–1902 гг. // Из истории империализма в России. Труды ЛОИИ. Вып. 1. М.; Л., 1959. С. 183–218; *Фурсенко А. А.* Из истории русско-американских отношений на рубеже XIX–XX вв. // Там же. С. 219–269. См. также: *Лебедев С. К., Петров Ю. А.* Академик Борис Васильевич Ананьич: творческий путь ученого // Россия — мир в конце XIX — первой половине XX в. Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 11–13.

Б. А. Романова, написанном через несколько месяцев, весной 1956 г. из подмосковного (в то время) академического санатория «Узкое», где Б. А. Романов отдыхал и набирался сил после сдачи книги. В этом письме Б. А. Романов хотя и выглядит настоящим отцом, строгим, но справедливым, желавшим потушить в зародыше конфликт между юными «сынами»¹³, все же так явно старается успокоить самого горячего из них, что это даже походит на желание оправдаться: «В разговоре с Вами я отверг Ваше вмешательство в мое¹⁴ дело — установления очередности. Не допустил я аналогичного вмешательства Бори в мое дело, когда внешние препятствия заставили меня переменить очередность. Я не сделал из этого секрета ни от кого из старших, всех, принимавших и принимающих в этом деле живейшее участие (включая в число “старших” и Ур. Абр. и Викт. Ив.¹⁵). Поскольку ближайшим образом исход дела зависел от Вяткина¹⁶, до последней минуты я сам себе не мог сказать, что удастся и как обернется. Как видите, еще и сейчас дело не сдвинулось ни на шаг, но выражено намерение сделать так, как пишет мне Коля¹⁷. Будет ли оно выполнено — будет видно в свое время. Я хочу сказать, что Вам не следует винить Борю: он является предметом “намерения”, предметом, которому я не давал повода выбирать ничего, кроме прямого отказа подвергнуться испытанию судьбы. Уверен, однако, что мотив “щепетильности” был пережит и им. А отсюда, несомненно, и видимость “виноватости”. Если бы он мне о последнем сказал, я бы ответил ему так же, как и Вам, т. е. опустил бы железную ставню. И я понимаю, что ему трудно было

¹³ Как известно, именно так он именовал своих учеников. См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 369, 403. Письмо Б. А. Романова В. М. Панеяху датировано мартом 1956 г., хранится в архиве В. М. Панеяха, использовано с разрешения А. В. Панеях.

¹⁴ Здесь и далее в цитатах сохраняется подчеркивание оригинала.

¹⁵ Речь идет об Уре Абрамовиче Шустере и Викторе Ивановиче Рутенбурге.

¹⁶ М. П. Вяткин — в тот момент заведующий ЛОИИ.

¹⁷ Н. Е. Носов, один из старших учеников Б. А. Романова, уже работавший тогда в ЛОИИ.

Вам сказать об открывавшемся предположении хотя бы потому, что понимает же он сам, какова моя очередность. М. б. я бы на его месте и сказал своему Вите о подобном предположении; но я бы никогда не сказал, что мне это было сделать легко — это вопрос характера (и Ваших взаимных отношений). Мое “мнение”, о котором Вы меня спрашиваете, заключается в том, как Вы видите из обстоятельств дела, что у Вас нет оснований “обижаться” на Борю. Насколько мне известно, по своей инициативе он не делал никаких шагов в сторону ЛОИИ. Инициатива тут была, прежде всего, моя, и проявлена она была мною дважды: в 52–53 гг. (не помню точно), когда я назвал Вяткину обе Ваши кандидатуры “впрок”, и в нынешнем году, когда мне пришлось срочно менять намеченную очередность и задать Боре тот же самый вопрос, какой до того я задал Вам. Вы понимаете, что и мне все это было нелегко и приводило в бешенство».

Нужно понимать, что имена Панеяха и Ананьича назывались их учителем Б. А. Романовым как имена молодых ученых, достойных работать в ЛОИИ, не просто «впрок», как он выразился, но еще и непосредственно перед закрытием ЛОИИ в 1953 г. Теперь же, в 1956 г. — это был момент восстановления института, когда и новый состав сотрудников, и структура учреждения еще находились в стадии обсуждения¹⁸. И, конечно, трудности

¹⁸ Из переписки Б. А. Романова с Е. Н. Кушевой следует, что в самом институте существовали группировки, держащиеся противоположных взглядов по этим вопросам. Так, Е. Н. Кушева в письме от 25 мая 1956 г. писала, что ЛОИИ «возродилось, как феникс», и что она видела в Москве К. Н. Сербину. Последняя рассказала «о проекте назначить ее заведующей разделом истории СССР». По мнению Е. Н. Кушевой, К. Н. Сербина, на словах отрицая это, «склонна согласиться», т. к. «административная жилка в ней заговорила». Сама же Е. Н. Кушева, как и Б. А. Романов, такой план явно не поддерживала. А в письме от 16 октября 1956 г. уже Б. А. Романов в свойственной ему образной манере описал мечты «мужской половины этого содружества», состоявшие в том, чтобы «придать “секции археографического совета” (оставшегося от бывшего ЛОИИ в 1953–1956 гг.) “всесоюзный характер”». В примечании к этому месту В. М. Панеях писал: «В ЛОИИ была предпринята попытка преобразовать Археографический совет во главе с А. И. Андреевым. Совету предполагалось придать административные

в приеме молодых специалистов объяснялись и этим. Еще в послании Б. А. Романова Е. Н. Кушевой от 26 ноября 1955 г. он писал: «Предстоит расширение ЛОИИ. Надеюсь ввести двух младших»¹⁹ (решение о восстановлении ЛОИИ было принято летом 1955 г.). И вот к 1956 г. Б. А. Романов сумел устроить в ЛОИИ всех своих «сынов» (Н. Е. Носова, А. А. Фурсенко, Р. Ш. Ганелина, Б. В. Ананьича), оставался лишь В. М. Панеях. И теперь именно его судьба была для учителя предметом главной заботы.

В книге о Б. А. Романове В. М. Панеях писал, что его в 1955 г. не удалось взять в ЛОИИ «из-за сопротивления, оказанного зав. ЛОИИ М. П. Вяткиным». При этом он сослался на письмо Б. А. Романова от 4 марта 1956 г., в котором тот писал, что «причина, по которой ему было отказано в приеме меня на работу», приводила его «в бешенство»²⁰. Но Б. А. Романов не уступал. В стремлении во что бы то ни стало взять В. М. Панеяха в ЛОИИ он готов был даже идти на большие личные компромиссы. В письме от 13 сентября 1956 г. Б. А. Романов писал Е. Н. Кушевой: «К моему великому огорчению мне придется “уступить” моего кандидата в аспиранты А. И. Андрееву: мой Витя (Панеях) феодал, и его работа в “Проблемах” источниковедческая. Тянуть же его на империализм, если мне бы хотелось, опасно при возможности оставить его в лоне феодализма, хотя бы с “вспомогательным” уклоном — жестоко. С этим делом вообще много путаного и неприятного, о чем можно рассказать только при свидании». К этому месту при публикации переписки В. М. Панеях сделал следующее примечание: «Аспирантская ставка была выделена директором Института истории А. Л. Сидоровым специально

функции, связанные с изданием трудов сотрудников института. Тем самым, рекомендации их к печати передавались бы от научных подразделений (сектор, группа) административной структуре. Против этого проекта решительно выступил ряд авторитетных сотрудников института, в том числе С. Н. Валк, Н. Е. Носов и ряд других, и, в конечном счете, проект не был реализован». См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 454, 464–465.

¹⁹ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 437.

²⁰ *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 347–348.

для Б. А. Романова, который ходатайствовал об этом. Но ставка оказалась по специализации источниковедческая, и А. И. Андреев при поддержке зав. ЛОИИ М. П. Вяткина стал претендовать на то, чтобы она была предоставлена ему. В конечном счете руководителем все же стал Б. А. Романов»²¹. А. И. Андреев же был отвергнут даже как возможный преемник уже очень большого в тот момент Б. А. Романова²².

В письме от 7 ноября 1956 г. В. М. Панеях писал Л. Е. Кертману, что принял решение «экзаменоваться в аспирантуру». Вступительные экзамены оказалось не так легко сдать. Виктор Моисеевич часто вспоминал неприязнь, которую питал к нему зав. ЛОИИ М. П. Вяткин. Писал он об этом и в рассматриваемом письме Л. Е. Кертману, из которого приводим следующую выдержку:

«Был объявлен конкурс на три места (два — на капитализм, империализм, одно — на вспомогательные исторические дисциплины). Поскольку Б. А. обещали дать руководство одним аспирантом по империализму, то было принято решение, чтобы я подавал именно на это место. Ну, а затем началось. Директор (Вяткин) резко выступил против такого решения и официально рекомендовал мне обождать года два, пока будут места по феодализму. Тогда была изменена формулировка заявления, имея в виду использовать при случае и место по вспомогательным дисциплинам: периода империализма (в частности и издание исторических источников). Такой поворот дела придал Вяткину бешеную активность (явную и конспиративную; последняя также бывала быстро разгадана). Экзамен по специальности

²¹ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 459–460.

²² Из письма Б. А. Романова к Е. Н. Кушевой от 26 сентября 1956 г.; первый так высказался относительно А. И. Андреева как возможного научного руководителя В. М. Панеяха: «У меня просьба: не проглядите ли статью Панеяха в 5-м томе “Проблем” и напишите мне Ваше мнение. О ней один и тот же человек за дверью отзывается так, а перед дверью наоборот. Мне и не хотелось бы связывать судьбу автора с этим человеком». См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 463.

для меня провели не в срок, а раньше предполагаемого, да еще по двум специальностям враз — курс истории СССР и вспомогательных исторических дисциплин. Экзамен вел Вяткин при молчаливом присутствии Валка и Андреева²³. По первому вопросу я отвечал на “два”, но мне поставили “три”. Конечно же, здесь дело было не в моей подготовке, потому что я подготовлен был хорошо, а просто вопрос был специально подобран: “Промышленное развитие России во второй четверти XVIII в.”. Другому экзаменуемому, который отвечал до меня (вопросы были персональными, а не по билетам!), достался вопрос по петровским мануфактурам, так что и на это я не имел возможности опираться. Обычная же периодизация (по Лященко²⁴) такова: 1) Экономика в первой четверти XVIII в. и 2) Экономика со второй четверти до конца века. И, конечно же, я не имел возможности выделить какие-либо процессы и явления специально во вторую четверть века, почему и получил обвинение в том, что даю картину второй половины века. Все были возмущены этим вопросом, поскольку и литературы-то никакой нет, разве что очень специальная. Там потом я нашел кое-что об этом у Струмилина в книге по истории черной металлургии в России²⁵. Но книги этой раньше я не только не читал, но даже никогда не держал в руках. Вяткин же этот вопрос знает хорошо, т. к. раньше читал на экономическом ф-те курс по истории народного хозяйства. Второй вопрос формулировался так: “Работы Ленина, характеризующие русский империализм”. Это я знал хорошо, т. к. специально готовил себя к ответу на него, но и здесь получил не “пять”, а “четыре”, т. к. хотя и исчерпывающе ответил на вопрос (по свидетельству комиссии), но среди полутора

²³ С. Н. Валк, А. И. Андреев — сотрудники ЛОИИ, оба были учениками академика А. С. Лаппо-Данилевского и выдающимися специалистами по источниковедению.

²⁴ См.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 1. Изд. 4.

²⁵ См.: *Струмилин С. Г.* Черная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет // Труды Института истории науки и техники. М., 1935. Т. 4; *Он же.* История черной металлургии в СССР. М., 1967.

десять работ не назвал “Социализм и война” и “Крах второго Интернационала”. Что касается третьего вопроса, хотя и сложного, но вполне знакомого мне (“основные вопросы дипломатии частных актов”), то здесь получилось нечто анекдотическое. Когда я отвечал, то...»

К сожалению, на этом текст письма оборван. Вообще, судя по многочисленным зачеркиваниям, это был черновик. Но кажется любопытным, что дипломатикой частных актов В. М. Панеях позднее специально занимался, правда, от книги на эту тему он отказался, зато написал несколько основополагающих статей.

В. М. Панеях был зачислен в аспирантуру ЛОИИ 15 декабря 1956 г.²⁶ и с этого времени в письмах Л. Е. Кертману начал довольно подробно рассказывать о событиях в институте, демонстрируя активный интерес в отношении к академической политике в целом. В письме 1957 г., без точной даты, но написанном еще до смерти Б. А. Романова, умершего 18 июля, обсуждалось разделение Института истории на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР: «Что касается твоей просьбы сообщать новости институтские, то, к сожалению, таковые часто оказываются сплетнями. Достоверно же известно, что раздел — дело решенное и реальное, но в настоящую историческую секунду не осуществляющееся из-за трудностей с помещением. Директором (предполагаемым) его всеобщей части до недавнего времени называли Хвостова, но сейчас стало известно, что он как будто получил ответственное поручение от Б. Н. Пономарева²⁷, и это, казалось бы, исключает реализацию прежних планов. На этот пост также прочат Ю. П. Францева, каковой, несмотря на свои то ли древневизантийские, то ли древнеегипетские интересы, часто выступает с ультрасовременными статьями под име-

²⁶ В письме Е. Н. Кушевой от 10 июня 1957 г. Б. А. Романов вспоминал уже о следующем «экзамене Вити Панеяха, прошедшем в дурной обстановке и с неважным результатом». В. М. Панеях дал к этому месту следующую сноску: «экзамен кандидатского минимума был сдан на оценку “хорошо”». См.: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка... С. 472.

²⁷ Б. Н. Пономарев с 1957 г. был зав. Международным отделом ЦК КПСС.

нем Ю. Павлов. Пока же произошла смена заведующего сектором новой истории после того, как Потемкин подал в отставку. Пост замещался по конкурсу, в каком-то участвовали Поршневу²⁸ и Нарочницкий. Прошел, конечно, первый. Да иначе и не могло быть. Ведь голосовали в основном те, кто безоговорочно поддерживает Ерусалимского²⁹ и его рецензию в «Вопросах истории» на Манфреда³⁰. А ведь рецензия эта — удар не только по Манфреду, но и по Нарочницкому. Кстати, назначение Нарочницкого в журнал³¹ здесь у нас встретили с большой тревогой — не только в силу учета особенностей его как личности, но и из-за того, что он представляет известное направление в историографии по вопросам внешней политики России конца XIX — начала XX в. Между прочим, это вызывает у нас и сугубо личное беспокойство, т. к. в журнале лежит весьма комплементарная рецензия на Б. А. Романова (одного ленинградского автора — Л. А. Березного³²), получившая визу Ерусалимского и прошедшая даже через стадию «вместо гранок»³³. Теперь же ее прохождение затормозилось, т. к. виза Ерусалимского должна быть заменена визой Нарочницкого. Впрочем, в настоящее время едва ли он захочет ссориться с Б. А. — ведь и его книжка ждет рецензента. Посмотрим...» Обратим внимание на то, что столь критическая интонация принадлежала еще очень молодому человеку, аспиранту. С самого начала работы в ЛОИИ В. М. Панеях воспринимал отношения между коллегами в научных и околонаучных кругах

²⁸ Б. Ф. Поршнев.

²⁹ А. С. Ерусалимский.

³⁰ Речь шла о книге А. З. Манфреда «Великая Французская революция XVIII века» (М., 1956).

³¹ А. Л. Нарочницкий, оставаясь сотрудником Института истории, стал членом редколлегии журнала «Вопросы истории».

³² Доцент восточного факультета Ленинградского университета Л. А. Березный выступил одним из официальных рецензентов при обсуждении рукописи второго издания «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» в ЛОИИ в январе 1952 г. См.: *Панеях В. М. Творчество и судьба историка...* С. 353.

³³ *Березный Л. А.* Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907 // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 188–193.

в Москве и Ленинграде, события в главных исторических журналах, перемещения начальства в институте и пр. как дело, которое касалось его лично. Это сразу стало кругом его интересов, с того времени и до конца жизни. Конечно, в означенные годы исторических журналов было мало, и попасть в них было сложно, а от назначения начальников в Москве сотрудники ЛОИИ, которое было частью единого Института истории, ждали прямых изменений для себя. Но кроме всех этих обстоятельств, подобного рода интересы еще и составляли важную сторону личности В. М. Панеяха: он был общественным человеком в лучшем смысле слова, заинтересованным современником событий, происходивших в науке. При этом даже в изложении каких-то негативных моментов в его письмах присутствует бодрость и нет пессимизма, вообще ему не свойственного до конца жизни. Конечно, нужно учитывать молодость писавшего, а также эпоху, когда писались те письма, о которых шла речь выше, — сразу после XX съезда, когда в воздухе витали новые веяния, все ожидали наступления новой эпохи.

Даже в большом письме 1957 г., написанном после смерти Б. А. Романова, чувствуется этот бодрый дух, несмотря на то, что потеря учителя была для В. М. Панеяха тяжелым ударом. Он направил все силы и энергию на то, чтобы способствовать выходу рецензий на последнюю книгу Б. А. Романова в крупнейших журналах: «Что касается просьбы относительно нажима на Нарочницкого по поводу рецензии на книгу Б. А., то теперь необходимость в этом отпала вовсе, т. к. автор уже подписал корректуру для № 12, и хотя в рецензии осталось не все желаемое, все же мы³⁴ решили сейчас ничего не предпринимать. Дело в том, что в том же № 12 появится некролог, который редколлегия не хотела помещать и подчинилась лишь прямому распоряжению Е. М. Жукова³⁵. Некролог, написанный мною,

³⁴ Под коллективным «мы» в письмах этого времени В. М. Панеях подразумевал учеников Б. А. Романова, собравшихся в ЛОИИ: Н. Е. Носова, А. А. Фурсенко, Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина и себя.

³⁵ Е. М. Жуков, историк-японист, в описываемое время — зам. директора Института истории. Е. М. Жуков по рекомендации директора

очень плох, формален, т. е. отвечает тем требованиям, которые предъявляются этим журналом к такого рода сочинениям. Они его еще ухудшили, и все же хотелось бы, чтобы в одном номере были и рецензия, и некролог. Несколько более развернутым будет некролог, написанный нами коллективно для № 5 “Истории СССР” — это в целом неплохой некролог. И, наконец, в “Исторических записках” будет опубликована статья (творческий путь Б. А.) на $\frac{3}{4}$ печатных листа и отчет о заседании памяти Б. А., организуемом нашим институтом совместно с сектором древнерусской литературы Пушкинского дома. Заседание будет интересным: 1. Валк С. Н. — творческий путь Б. А., 2. Сидоров А. Л. — Работы Б. А. по истории империализма в России, 3. Лихачев Д. С. — Книга Б. А. “Люди и нравы древней Руси”, 4. Бернадский В. Н. — “Анализ Б. А. социального строя древней Руси”, 5. Тиханова М. А. — “Б. А. и археологи”, 6. Носов Н. Е. (старший из учеников) — “Б. А. как педагог”. Это заседание намечается на 15 или 16 ноября. На нем же, очевидно, будет внесено Лихачевым по нашей просьбе предложение об издании сборника в память Б. А.». В бумагах В. М. Панеяха сохранились пригласительные билеты на это заседание.

После смерти Б. А. Романова научное руководство В. М. Панеяхом в аспирантуре перешло к И. И. Смирнову. Как вспоминал Виктор Моисеевич много лет спустя, И. И. Смирнов, бывший во многом совершенно другим типом историка, чем Б. А. Романов³⁶, тем не менее сразу согласился руководить им, сказав, что об этом у него с Романовым существовала, оказывается, устная

Института истории А. Л. Сидорова выступил ответственным редактором 2-го издания «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» Б. А. Романова. Нажим со стороны Е. М. Жукова, о котором шла речь в письме В. М. Панеяха, видимо, потребовался из-за того, что некролог был написал тогда еще мало кому известным молодым ученым, аспирантом, хоть и опубликовавшим уже несколько статей в центральных журналах. См.: [Панеях В. М.] Борис Александрович Романов // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 213–214.

³⁶ *Панеях В. М.* Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // У источника. М., 1997. Вып. 1: Сб. в честь С. М. Каштанова. Ч. 2. С. 490–545.

договоренность. «Руководителем у меня теперь И. И. Смирнов (“Восстание Болотникова”³⁷ — знаешь?), — писал Панеях Кертману, — <...> А между тем со Смирновым мне будет очень трудно. Он полный антипод Б. А. по методам и стилю работы. Немного догматичен, весьма ортодоксален (сторонник и поддержка Грекова³⁸ в Ленинграде), не в меру схоластичен, часто односторонен. При всем том — очень приличный человек. Пока меня не трогает, скромно заявляя, что будем завершать сделанное с Б. А. Однако со сделанным он как раз и не согласен, о чем мне прежде неоднократно заявлял — и лично и публично (при обсуждениях моих докладов)».

Таким образом, еще в аспирантуре В. М. Панеяху пришлось бороться за утверждение научных принципов Б. А. Романова. Как говорилось выше, очень много зависело от позиции редакции журналов. 30 января 1958 г. В. М. Панеях упоминал в письме «безобразие с критической статьей Л. Березного на книгу Б. А.» (в № 12) «Вопросов истории»: «Ты себе не представляешь, какую лапшу они там нарубили из очень хорошей и мастерски написанной рецензии. А сейчас получилась статья, компрометирующая ее автора и очень неприятная для критикуемого», — так завершался обзор этого сюжета в письме.

Были и другие темы, касающиеся все еще не устоявшейся структуры ЛОИИ. 9 января 1958 г. В. М. Панеях писал: «Относительно твоих вопросов по поводу истории рабочего движения я разузнал следующее. Все обещания Вяткину дать ставки до этого были сделаны Трухановским³⁹, однако, он был дезавуирован Сидоровым при его последнем посещении Ленинграда. Он сказал, что у Вяткина кружится голова, когда речь заходит о штатах, что Трухановский ничего подобного говорить не мог,

³⁷ Речь идет о наиболее известной книге И. И. Смирнова. См.: *Смирнов И. И.* Восстание Ивана Болотникова 1606–1607. М., 1951.

³⁸ Б. Д. Греков считался в это время лидером исторической науки в СССР, в особенности в отношении допетровского периода. Господствовала его концепция, суть которой состояла в признании феодализма (основанного на крупном землевладении) уже в Древней Руси.

³⁹ Зам. директора Института истории.

так как в ЛОИИ планируется развитие истории СССР, античности и истории средних веков, но никак не новой истории. В Москве же действительно будут предприняты шаги для создания специального сектора или чего-нибудь более внушительного с привлечением новых людей»⁴⁰. Тема развивалась в письме от 10 апреля: «Сейчас у нас здесь вновь очень много говорят о разделе института, впрочем, ты должен знать об этом больше, т. к. был в Москве».

В аспирантуре В. М. Панеях начал ездить в командировки в Москву, свел близкие знакомства с московскими историками, и эти поездки до конца жизни имели для него большое значение. В Москве он собирал в архивах материал для своих книг, а также оказывался в гуще событий и узнавал академические новости. Так, 14 мая 1958 г. он писал Л. Е. Кертману: «Историков Москвы я застал в состоянии крайнего возбуждения, связанного с выборами в Академию. Навыдвигали целую кучу кандидатов, а теперь все, как один, считают вероятные голоса, шансы и т. д. Говорят, что поддерживаются кандидатуры Жукова в академики и Пономарева, Арциховского и Третьякова⁴¹ — в чл.- корр. Это, однако, отнюдь не означает, что 12 академиков, входящих в состав Отделения исторических наук, проголосуют в соответствии с желаниями начальства. Так или иначе, Сидорова⁴² в институте не выдвинули, вернее, провалили, но зато он прошел по Ленинградскому отделению, что, впрочем, не поможет ему. Здесь поговаривают о том, что он собирается выходить

⁴⁰ Только в 1979 г. в ЛОИИ появилась особая группа истории Великой Октябрьской социалистической революции (а затем и соответствующий отдел — ныне Отдел революции и общественного движения России).

⁴¹ В 1958 г. членами-корреспондентами АН СССР стали Б. Н. Пономарев, историк и партийный деятель, член ЦК КПСС, и П. Н. Третьяков — археолог, автор трудов о происхождении восточных славян, тогда директор Института славяноведения. А. В. Арциховский, археолог, до 1957 г. декан исторического факультета МГУ, основатель Новгородской археологической экспедиции, открывший новгородские берестяные грамоты, — стал членом-корреспондентом в 1960 г.

⁴² А. Л. Сидоров занимал тогда пост директора Института истории.

на службу 20 мая. Однако есть основания полагать, что он откажется от своего поста. Он на это намекал в одном из своих личных писем в Ленинград, а его супруга тоже в личном письме сообщала об этом как о вопросе решенном. Только не надо делать сие сообщение достоянием гласности. Как на возможного кандидата на пост директора здесь указывают на Кима⁴³, замечая, что такой вариант явился бы едва ли не лучшим».

В том же 1958 г. прибавилась еще одна животрепещущая для корреспондентов тема — защита докторской диссертации Л. Е. Кертманом, в которой В. М. Панеях принимал большое участие. 26 августа 1958 г. он писал: «Единственной причиной оттяжки срока защиты может являться, по-моему, сохранение института в неразделенном виде, т. к. там действительно накопилось до черта докторских диссертаций самих сотрудников. Так, например, только в начале лета вышли две книги по русскому феодализму (Алефиренко, Зимин⁴⁴), которые, конечно, будут допущены к защите в первую очередь. О том, как сейчас обстоит дело с разделом, я не знаю ничего. Когда же я был в Москве, ничего понять было невозможно, т. к. в единый клубок сплелись взаимно исключаящие друг друга тенденции, интересы, явления. Казалось, что если Сидоров уйдет, то раздела может и не быть, но он вначале уходил, затем, после столь блистательного успеха на выборах в АН, стал почему-то колебаться, причем его поддержала будто бы работавшая в то время в институте комиссия горкома, которая сочла, что провал Сидорова является следствием засоренности Ученого совета всякими там Минцами, Майскими и т. д.».

Вообще, из писем хорошо видно, что жизнь Института истории (и московского, и ленинградского его отделений) в это время постоянно была наполнена слухами о переменах и ощущением неуверенности в дальнейшей судьбе сотрудников. В письме

⁴³ М. П. Ким — историк России советского периода, в будущем академик.

⁴⁴ *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII в. М., 1958; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.

от 7 марта 1959 г. (год окончания аспирантуры, когда В. М. Панях стал сотрудником ЛОИИ) читаем: «Сейчас у нас всерьез поговаривают о перестройке академических учреждений. Связывают это, в частности, с годичным общим собранием АН, которое состоится в конце марта и на котором ожидается весьма авторитетное выступление. Некоторые симптомы такой перестройки я склонен видеть в той встрече, какую устроили проекту семилетнего плана ЛОИИ, когда его привезли в Москву. Оказалось, что античность, средневековье и даже новое время — это как бы не история, а оной может быть названо лишь новейшее время (и для Запада, и для Востока), а внутри новейшей истории предпочтение отдается послевоенному периоду. Отсюда — полнейшая перестройка плана, с одной стороны (в сторону его “актуализации”), и принудительное перекалфицирование научных сотрудников с нового на новейший период, со средневековья на современную историю России, с другой. Современная история — звучит-то как!» В. М. Панях, как всегда, стремился понять подноготную событий и обсудить ее со своим корреспондентом: «...хотелось бы выяснить, является ли подобная линия обще-академической или институтско-хвостовской»⁴⁵.

Обсуждалась в переписке с Л. Е. Кертманом и защита В. М. Паняхом кандидатской диссертации, а также продолжение им исследования древнерусского холопства. Эта тема впервые появилась в письме от 7 октября 1960 г.: «Летом вышла статья (я тебе ее, кажется, не посылал), а сейчас на выходе еще одна⁴⁶. И еще три уже приняты — с гарантией. Окончательно закончил диссертацию и отдал ее в переписку (15 а. л.), закончил и книжку по ней (10 а. л.). Но в план ее пока не включают — старые счета. Сие печально, но не бесперспективно. Защиты

⁴⁵ В. М. Хвостов стал директором Института истории в 1959 г., сменив А. Л. Сидорова.

⁴⁶ См.: *Панях В. М.* Из истории кабального холопства в XVI в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960 (Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 2). С. 101–128; *Он же.* Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г.: (Опыт реконструкции) // История СССР. 1960. № 1. С. 175–181.

в Москве быть не может, а потому буду защищать в ЛГУ. Думаю — вскоре».

А через год прибавилось обсуждение большого научного проекта, в связи с участием в котором В. М. Панеях был взят после окончания аспирантуры в ЛОИИ. В письме от 20 апреля 1961 г. (во время новой командировки в Москву) речь зашла о «Пугачеве» — трехтомнике о восстании Емельяна Пугачева⁴⁷, к выходу которого, начиная со второго тома, В. М. Панеях имел самое непосредственное отношение, будучи не только автором значительного числа текстов, но и редактором (совместно с В. В. Мавродиным): «Я здесь чего-то закис совсем. Задание с фотографиями⁴⁸ оказалось очень хлопотным, и фактически командировка по башкирцам⁴⁹ оказалась сорванной, хотя в архив я хожу довольно много. Только дня три тому назад наскочил на действительно интересный и действительно компактный материал, а то все шли ошметки, над которыми можно работать лет 5 или более того». И уже в письме от 8 мая 1961 г. можно прочесть: «...не исключено, что в июне опять окажусь в Москве. Правда, Вяткин сказал мне, что больше он не сумеет дать мне командировок, но мало ли что он говорит. Во всяком случае, Мавродин утверждает, что сумеет урегулировать этот вопрос».

Одновременно В. М. Панеях, видимо, очень рано стал задумываться о ценности своих научных работ, старался критически

⁴⁷ Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. В. М. Панеях редактировал этот том совместно с В. В. Мавродиным.

⁴⁸ Очевидно, речь шла о фотографировании документов из РГАДА по теме пугачевского восстания.

⁴⁹ Одна из главных тем, которыми занимался В. М. Панеях в период работы над вторым томом и по которой он ввел в научный оборот новый архивный материал, была связана с восстанием башкир. См.: *Панеях В. М.* Борьба за Башкирию // Крестьянская война в России... С. 133–156; *Он же.* Борьба народов Башкирии // Там же. С. 205–236. В 1965 г. он ездил с этой темой на конференцию в Пермь: *Панеях В. М.* О степени участия народностей Башкирии в Крестьянской войне 1773–1775 гг. на первом ее этапе // Вопросы истории Урала: Материалы 2-й науч. сес. вузов Урал. зоны в г. Перми, 20–22 апр. 1965 г. Пермь, 1966. С. 50–59.

оценивать не только других, но и себя, и это проявлялось на всем протяжении переписки с Л. Е. Кертманом. Так, в письме от 3 июня 1961 г. читаем: «...вскоре я опять буду на истфаке — числа 22 или 23 июня защищается Боря Ананьич (при оппонентах Ревуненкове и Лене Семенове⁵⁰). Он и просил меня отправить тебе автореферат с очередным письмом, что я и делаю. Все мы в Ленинграде живем в ожидании перестроек, сокращений и прочих вещей, а это не прибавляет бодрости. И вообще, я, кажется, окончательно сошел с рельсов — требуется капитальный ремонт со всех сторон. То ли нужен тихий отдых, то ли, наоборот, разнообразный — никак не могу понять <...> Так вот и живу — в ожидании отпуска (с середины августа), в ожидании командировки в Москву, которая то ли будет, то ли нет (если будет, но в конце июня — начале июля), в ожидании отъезда наших на дачу (в Зеленогорск) и во всяких иных ожиданиях. Работаю скверно, мыслю тоже весьма приблизительно».

Правда, после защиты кандидатской диссертации в письме от 28 августа 1961 г. чувствуется более бодрый тон: «Во-первых, я уже кандидат наук, а не черт знает что. 10/VI состоялось утверждение в ВАКе без дополнительного рецензирования, но диплом до Ленинграда еще не дошел. Ничего — потерпим. Во-вторых, в-третьих и в-четвертых: после месячной командировки в Москву, неделю был дома и 12/VIII выехал на Кавказ — без планов и один. Обнаружив в модных курортах невероятное скопление публики (кто я такой, чтобы стоять по 2 часа за обедом?), я двинулся в Аше (50 км не доезжая до Сочи) — здесь я был однажды по туристской путевке. Оказалось, что с 1958 г. меня здесь помнит ряд должностных лиц, с которыми довольно много было выпито, а потому устроиться на питание все в той же турбазе не представляло большого труда, хотя в принципе они отказывают. Снял себе отдельную комнату рядом и живу припеваючи. Довольно сильно устал, а потому не хочется никуда ехать с целью осмотра достопримечательностей. Греюсь на солнце, похаживаю, купаюсь, участвую в разных смешных историях

⁵⁰ Л. С. Семенов, в будущем профессор исторического ф-та ЛГУ, специалист по истории России XIX в.

и стараюсь отключиться от интеллектуальной деятельности. Последнее удастся блестяще».

Летние отпуска с этого момента всегда описывались в письмах. Но уже осенью 1961 г. пришлось возобновить работу над «Пугачевым»: «Пишу о башкирцах и для “Ист. записок” о холопах⁵¹ <...> Я же опять стал что-то многовато работать: после праздников будет обсуждаться книжка⁵² на предмет рекомендации ее к печати. Впрочем, ответа из Москвы о том, будет ли она включена в издательский план, нет еще. Поживем-увидим. Кроме того, пишу большую статью (по договоренности с “Историческими записками”) о сюжете, смежном с диссертацией, но хронологически продолжающим ее⁵³. Кроме того, работаю над башкирцами; кроме того, веду всякую организационную работу и т. д.» (из письма от 4 октября 1961 г.).

В самом конце этого столь важного для В. М. Панеяха года, 23 декабря 1961 г. он писал по поводу своей первой монографии: «...книжку мою из издательского плана выкинули (на 1962 г.): так называемая неактуальность тематики натолкнулась на бумажный кризис. И поэтому дирекция (московская) просила, учитывая малый объем моей и ряда других монографий опубликовать их в “Исторических записках”. Если бы даже это было организационно выполнимо, все же и в этом случае такой вариант не мог бы меня устроить. Ведь я уже опубликовал ряд статей, они будут и впредь, а печатать в периодическом издании второй раз одно и то же невозможно. Другое дело книга! Пока же написал большую статью (3 п. л.), посвященную сюжету, не вошедшему в диссертацию, но продолжающему его хронологически.

⁵¹ Трудно сказать, о какой статье шла речь. В «Исторических записках» в 1960-е годы В. М. Панеях не публиковался. Видимо, статья, которую он писал для «Исторических записок» (там брали публикации большого объема), так и не вышла.

⁵² Книга о кабальном холопстве по кандидатской диссертации, вышедшая только через шесть лет. См.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

⁵³ См. примеч. 51. Судя по этой характеристике, часть упомянутой статьи вышла в «Проблемах источниковедения». См.: *Панеях В. М.* К вопросу об указе 1601 г. // Проблемы источниковедения. 1961. Т. 9. С. 262–269.

Есть договоренность о ней все в тех же “Исторических записках”. Кроме того, рецензирую массу статей (внутри ЛОИИ), диссертации — и все бесплатно. Сам понимаешь, что для Пугачева времени остается очень мало».

Вопрос о публикациях продолжал волновать В.М. Паняха, и это беспокойство было связано не только с судьбой его собственной книги. В начале следующего, 1962 г., 5 февраля, он писал: «...в ЛГУ план изданий вырублен наполовину. У нас производственный и издательский и в Московском институте на три четверти. Приезжал сюда Жуков со свитой, проводил совещание. Курс на коллективные работы обобщающего и бессмысленно широкого свойства. Индивидуальные же монографии и работы на частные темы допускаются только в тех редких случаях, когда они помогают в решении общих задач. Но даже и в этом случае их издавать не обязательно, а лучше печатать на ротаторе, а то и вовсе депонировать (“депо” служит ГБЛ⁵⁴, ср. “крематорий” и “колумбарий”). Необходимо отказаться от конъюнктурщины, но писать надо актуальные работы, актуальность же определяется требованиями сегодняшнего дня! (привожу дословно). В результате всего этого по нашему сектору остался один Пугачев (т. о. я не пострадал, если исключить то обстоятельство, что книжка моя теперь уже не выйдет вовсе). Поэтому наше ленинградское начальство запланировало новую коллективную работу — “Крестьянские войны в России XVI–XVIII в.” в качестве научно-популярной. В ней мне отводится половина Пугачевского восстания. Кроме того, намечается работа над коллективным трудом о социально-экономических отношениях в XVI в. В нее я тоже включусь, если эта тема будет утверждена в Москве, на что мало шансов. Эта последняя тема в принципе меня устраивает. Но все эти планы — до 1965 г., и я не знаю, успею ли сделать все. Пока же — в этом году должен написать 4 листа о башкирах, а где их взять? Окончание всей этой темы у меня падает на будущий год. Но опять спрошу — как это сделать?»

⁵⁴ Государственная библиотека им. В. И. Ленина, ныне — Российская государственная библиотека (РГБ).

Однако это были, конечно, не настоящие, а, скорее, шуточные риторические вопросы. В тот момент решалось будущее научной работы В. М. Панеяха, так что, по-видимому, он далеко не был уверен в том, чем ему дальше заниматься: «Одновременно начинаю задумываться над проблемой дальнейшей работы по большому счету. Многие московские и ленинградские друзья советуют не расставаться с холопством, а написать большую работу о холопстве вообще (а не только о кабальном). Но хронология? XVII век? Многие за это. XVI–XVII века? Тоже заманчиво! Можно и XV–XVII вв. Конечно ближайший год этим заниматься не буду вовсе. Потом же, очевидно, понемногу займусь первой половиной XVII в. (до Соборного уложения), а, быть может, для начала и первым десятилетием (“Смута!”)». А пока все задерживался выход книги, в публикацию шли отдельные статьи по теме недавно защищенной диссертации: «Диссертацию окончательно разрезал на куски: еще пять статей (кроме уже опубликованных) приняты к печати в разных изданиях, думаю еще об одной — последней. Трехлистная статья — как бы продолжение диссертации, тоже увидит свет (в “Исторических записках”). Таковы дела. Настроение паршивое, т. к. положение учреждения (зава нет до сих пор) и перестройки не радуют»⁵⁵.

Подобная неопределенность в отношении книги и в отношении судьбы ЛОИИ не могла не давать о себе знать. В письме от 4 июля 1962 г. В. М. Панеях писал, отчасти в шутку, отчасти — серьезно: «Я как будто окончательно вступил на путь умственного и эмоционального деградирования. Совсем не ловлю мышей, и живу исключительно старым багажом. Так, например, казанский доклад, который я повторял здесь, прошел очень успешно при оживленных прениях. Но нового-то ничего не сделал! Быть может отпуск меня слегка реставрирует. А наши летние планы окончательно определились. Рада⁵⁶ с дочкой живут на даче (но погода совсем хреновая — еще ни разу не купались). 26 июля мы троим из Ярославля двинемся вниз

⁵⁵ Н. Е. Носов вступил в заведывание ЛОИИ в 1961 г., но был утвержден в должности только в 1964 г.

⁵⁶ Рада Васильевна, жена В. М. Панеяха.

по Волге. В Астрахани же наши пути разойдутся: семья поедет тем же путем обратно домой — работать, учиться. Я, наоборот, поеду, очевидно, через Минводы поездом на Кавказское побережье. По дороге осмотрю Пятигорск, Кисловодск и прочее, т. к. я там никогда не был». Так Виктор Моисеевич впервые посетил Кисловодск, город, который в поздние годы стал для него любимейшим местом отдыха.

Но уже осенью эффект летнего отдыха переставал сказываться: в письме от 29 октября 1962 г. читаем: «Я сейчас загнан как черт знает что — гоню Пугачева, ни хрена не получается. Все же с 9 по 11 ноября буду в Москве: 9/XI делаю доклад в секторе феодализма (в порядке сотрудничества учреждений)». А через год, тоже в октябре (13.10.1963): «на работе тревожно (опять разговоры о зарплате). И вообще неуютно».

И еще через полтора месяца, 29 ноября: «У нас здесь опять неприятности. Определенно говорят о двадцатипроцентном сокращении в гуманитарных институтах АН. По институту истории (Москва и Ленинград) — 136 чел. Это кажется даже больше, чем 20%. Может быть, меня лично и не затронет, но близких мне людей — весьма вероятно. Сие очень тяжело, т. к. официальный развод⁵⁷ уже состоялся несколько дней назад. Быть может, тебя заинтересует следующее сообщение. В институте философии под руководством акад. Юдина образован сектор теории и истории мировой культуры. Вскоре будет обсуждение проспекта многотомника по “Истории мировой культуры”, издаваемого на договорных началах госполитиздатом, и макетов двух первых томов, написанных еще в 1941 году (античность и средневековье)».

В 1964 г. шел в редакцию том «Восстания Пугачева», за который отвечал В. М. Панях. 6 марта он писал: «Я сейчас — не человек вовсе: до сдачи первого тома “Пугача” осталось три недели, а работы еще — невпроворот». А в письме от 13 августа даже можно услышать такую нетипичную для Виктора Моисеевича ноту жалобы, хотя и замаскированной иронией: «Мне,

⁵⁷ То есть разделение Института истории на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории.

например, писать всегда тяжело и больно. С удовольствием занялся бы чем-нибудь иным. Скажем, торговлей вразнос или чтением лекций. Пока же за неделю, образовавшуюся между приездом из Москвы и отлетом на отдых, нужно написать доклад для кишиневского симпозиума 1 печ. лист! Послезавтра отлетаю, а доклад еще ни фига не написан, отсюда, очевидно, и легкоуловимая мизантропия». Дальше — не лучше, т. к. осенью (письмо от 8 октября 1964 г.) опять не был решен вопрос о книге: «На работе и того хуже: зарубили все издательские планы, в том числе и в очередной раз мою книжку». И вот кончался 1964 г.: «Кончился год. Я должен был его завершить, работая уже целый квартал над новой темой (“Рабочие Петербурга-Петрограда-Ленинграда” — у меня вторая половина XVIII в.), а я еще не кончил Пугачева и неизвестно когда это закончится. Т. II в издательстве ЛГУ, и меня мучает редактор. Том III (и последний) должен быть сдан в марте 1966 года. Тексты почти все поступили, кроме моего. Его мне надо написать как бы вне плана, т. к. в плане будет “Петербург” и редактирование. Кроме того вне плана же подвернулась одна оплаченная работа — науч.-поп. в изд. “Наука”: “Пугачев и его соратники”⁵⁸ (серия исторических биографий листов на 10, из коих листа 4 моих). Договор обещают в январе, а в конце марта надо их уже сдать (выход в свет — декабрь 1965 г.). Я еще даже не думал о том, как это делать. Ведь я никогда не занимался науч.-попом и, на мой взгляд, начисто лишен умения писать образно. Мне кажется, что в моем стиле вообще логическое начало подминает образно-эмоциональное».

И в этом же письме продолжается обсуждение планов на будущее: «О дальних планах говорить рано. Пока дал заявку на следующее пятилетие: монография “Холопство в XV–XVII веках”, но ожидается противодействие московской дирекции. Дело в том, что Колю⁵⁹ только что вынуждены были утвердить заведующим ЛОИИ — это не прибавило ему любви московской дирекции, а я — в обойме его ближайшего окружения.

⁵⁸ См.: Лимонов Ю.А., Маевродин В.В., Панелях В.М. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965.

⁵⁹ Н.Е. Носова.

Поживем-увидим. Пока же — закончить бы этот год без потерь. По моим подсчетам надо написать листов 15 (при норме — 7), а как это сделать даже господу богу не известно».

1965 год продолжился в атмосфере ожидания сокращений, о чем писалось 5 мая 1965 г.: «...в институте в этом месяце будет реализовано сокращение, поэтому все психуют». Кроме того, «в московской дирекции в очередной раз вычеркнули из издательского плана мою книгу, которая уже и до того, кажется, устарела. ...В довершение ко всему книга (популярная), которую по договору (монеты!) мы должны сдать в июне, практически еще и не начата — в той части, какую должен писать я».

Тем не менее из писем видно, что середина 1960-х годов — пик жизни и самого В. М. Панеяха, как и его товарищей по работе в ЛОИИ. Он был полон планов и получал удовольствие от круговорота жизни, даже когда жаловался на нее. 16 октября 1966 г. В. М. Панеях описывал въезд в новую квартиру, а потом и другие проблемы: «Не успеваю я завершить работу не только в силу своих личных внутренних пороков, но и потому, что последние 2,5 месяца уходящего года становятся эпохой великих поездок, от которых нет сил отказаться. Ну, могу ли я отказаться от даровой (т. е. начальством оплаченной) командировки в Таллин на аграрный симпозиум (с 23 по 29 октября)? Или (в еще большей степени!) от поездки в Пермь? А потом (в декабре) на две недели в Академгородок Новосибирска для работы с авторами т. II “Истории Сибири”, которую я подрядился отредактировать в качестве издательского редактора. В таком круговороте я теперь живу».

И вот, наконец, в 1967 г. дошла очередь до выхода первой книги⁶⁰, что вызывало теперь сложные чувства. 20 июля В. М. Панеях писал. «Твоя филиппика в мой адрес по поводу моего отношения к выходящей книге бессмысленна. Ведь речь шла о том, что это перезревший плод. Если бы она вышла 5 или 6 лет тому назад, когда она и была написана, все было бы нормально: неизбежно наступил бы такой момент, когда бы она устарела

⁶⁰ *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в.

и для меня (раньше) и для остальных (позже). А сейчас она, еще не успев выйти, устарела и для меня, и для всех. Устарела не в том плане, что на эту тему что-нибудь написано (этого нет), а потому, что угол зрения, охват проблемы, сознательные ограничения и отграничения не отвечают сегодняшнему состоянию историографии по истории России XVI в. И передо мной встала дилемма: выпускать или не выпускать (потому что не могу же я сесть и написать другую книгу). И я, слабый человек, решил все же выпускать». Ранее, в письме от 22 июня, речь уже шла о книге: «Она мне теперь определенно разонравилась. Поэтому я ее предельно сократил (до 11,5 а. л.)».

А через год, в 1968 г. в письмах появился еще один сюжет. У Л. Е. Кертмана в 1967 г. в Перми вышла небольшая книжечка (на 37 стр.) из серии «Пульс эпох» под названием «История. [Для детей]. Беседу ведет д-р ист. наук профессор Л. Е. Кертман». В. М. Панеях обрушился на нее с критикой, которую воспроизводим здесь полностью, поскольку это редкая возможность прочесть его размышления не по конкретному историческому или источниковедческому вопросу, а по общим проблемам методологии истории. Теперь очевидно, что задумываться над подобными вещами Виктор Моисеевич стал задолго до того, как начал читать лекции студентам. В приводимом нами ниже почти полностью его письме Л. Е. Кертману он сформулировал представление об особенностях истории как науки. Вот как он оценил позицию Л. Е. Кертмана по этому вопросу: «Поскольку все-таки речь идет о брошюре, то я ограничусь благодарностью и поздравлением, хотя поздравление носит в известной мере условный и ограниченный характер. Я не отношу, к сожалению, эту твою работу к числу твоих достижений, хотя о твоих взглядах на нашу науку должен был бы догадываться — по некоторым походя брошенным замечаниям в разговорах. Если тебя интересуют мои претензии, я смог бы тебе их изложить в одном из следующих писем».

При чтении дальнейших рассуждений В. М. Панеяха приходит на память отмеченное Б. А. Романовым у своего ученика еще в юности стремление к обобщениям, которое Романов

в свойственной ему манере назвал «страстью к виражам и восьмеркам в теоретических вопросах»⁶¹:

«Чтобы избежать каких-либо домыслов о моей позиции в намечающемся споре по поводу твоей брошюры (извини за старое написание), — писал В. М. Панях, — я решил определить ее ясно и не двусмысленно. Прежде всего, вызывает удивление выбор ракурсов повествования: трудность данной науки и ее практическая польза. Но разве этим ограничивается специфика исторической науки? И разве указанные тобою трудности (если уж непременно нужно о них говорить) специфичны?

Я думаю, что каждая наука имеет внутреннюю специфику и специфику, так сказать, внешнюю, т. е. определенное место в системе наук. Внутренняя специфика исторической науки состоит, как мне представляется, во-первых, в том, что она изучает объекты, находящиеся в состоянии непрерывного изменения. Электрон, к примеру, неизменен на протяжении тысячелетий. Он неизменен в том смысле, что все его свойства и превращения абсолютно идентичны вчера и сегодня. Человеческое мышление (второй пример) тоже неизменно, и возникновение понятий, представлений и суждений принципиально неотличимо у человека X и XX в. (хотя существует кретиническая точка зрения, обратная этой). Следовательно, физик или философ изучают, строго говоря, неподвижные объекты (хотя, разумеется, каждому объекту свойственно внутреннее движение, которое, однако, однотипно в хронологическом разрезе). Это тем более относится к математике. И этим все науки (или, осторожнее будет сказать, их подавляющее большинство) отличаются от исторической науки. Здесь же кроется, по-видимому, и одна из основных трудностей данной науки, если тебя столь уж интересуют ее трудности. Потому что историку приходится изучать в движении не только предмет исследования, но и движение среды или, вернее, сред, т. е. соотношение движений многих объектов. Отсюда, конечно, и многоконцепционность, и столь частая смена концепций (что ты склонен объяснять исключительно лишь

⁶¹ См. предисловие к данному сборнику, с. 7.

накоплением фактов). Поскольку соотнести все движущиеся объекты изучения и все даже уже известные (а не только вновь открытые) факты практически пока невозможно, постольку каждая концепция является результатом соотнесения какой-то определенной и ограниченной группы движущихся объектов, один из которых — сам наблюдающий. Кстати, я думаю, что желаемое соотнесение всего со всем никогда не будет достижимым, и потому наша наука никогда не будет точной. Как видишь, это тоже пункт нашего расхождения.

Вторая специфическая особенность исторической науки состоит, по-видимому, в том, что она, единственная из всех наук, имеет предметом изучения не только объективную сторону процессов, но и их субъективную сторону, поскольку занимается человеческой личностью и человечеством в целом. Это также является причиной специфической трудности данной науки и, в конечном счете, ее многоконцепционности.

Специфично и место исторической науки в системе наук. Мне кажется, что об истории можно говорить как о своеобразной науке наук. И действительно, она является как бы служанкой других общественных наук, поставляя им материал и даже нередко методику. Более того, она обслуживает всякую науку и вообще человечество, ибо всякое знание, человеческое мышление вообще, наука и формирование нравственного облика человечества основаны на принципе историзма. Этим во многом определяется и практическая польза исторической науки или ее “выход в практику”.

Твоя же позиция представляется мне сугубо прагматичной, утилитарной и неприемлемой как для данной науки, так и для науки вообще. Она, конечно, весьма логична и последовательна: “государственным деятелям” необходимы для их деятельности законы истории, факты же нужны для выведения закономерностей; следовательно, главное в исторической науке — открытие законов. Но сказавши это, необходимо признать, что для “предвидения будущего” важны в наибольшей степени те частные закономерности, которые свойственны в лучшем случае двум последним общественно-экономическим формациям. Отсюда

неизбежно следует, что преимущественное внимание необходимо уделять этим двум формациям. Ты и сам встал на этот путь, оперируя исключительно им в своих конкретных примерах.

С моей же точки зрения, если хочешь знать, деятели науки и наука в целом вообще не могут и не должны ставить вопрос о практической применимости науки или какой-либо ее части. Это всегда сопряжено с трагическими или комическими ошибками. Вспомни, с одной стороны, теорию относительности, квантовую теорию, цепную реакцию и атомную бомбу, а с другой – убеждение Фарадея, что его открытия могут быть полезными всего только для конструирования забавных детских игрушек.

Если исходить из представления, что стремление человечества к познанию неживой и живой природы и общества является одним из двигателей прогресса, то само познание, само выявление фактов и закономерностей знаменует собой прогресс. Дело науки, следовательно, не в поисках или обосновании своей практической пользы, а в том, чтобы способствовать познанию мира. В этом ее единственная и высшая практическая польза. А если дело обстоит именно таким образом, то тогда лишено основания деление нашей науки на фундамент и верхние этажи (факты и закономерности), на актуальные или неактуальные формации или проблемы. С точки зрения познания человечеством своей природы историческая наука едина и неразделима.

Поэтому я решительным образом не могу признать сколько-нибудь справедливыми поиски политического аспекта (а тебя в брошюре занимает лишь он) оценки исторической науки с точки зрения “практического выхода”. Прекрасно, если историческая наука берется на вооружение передовым классом или прогрессивными деятелями. Огорчительно, если она используется во вред прогрессу. Также как физики могут гордиться атомными электростанциями и гордиться синтезом искусственных материалов и огорчаться производством отравляющих газов. Но ни то, ни другое, ни третье не может служить критерием практической полезности истории, физики или химии. Дело ученых открывать новое, познавать непознанное и тем самым служить человечеству, прогрессу, а, следовательно, и практике.

Можно было бы, конечно, еще долго рассуждать о твоей брошюре. Например, почему-то наша наука оказалась у тебя безымянной. Где ее славные представители, где научные школы и направления? Конечно, единственно упомянутый у тебя профессиональный историк — великий ученый, а его открытие — непреходящий вклад в науку. Но, быть может, к этому можно было бы прибавить еще кого-нибудь не менее великого?

Или же никакая наука не может существовать без своей собственной исследовательской техники. Но у тебя об этом — ни полслова. А ведь имеется целое ожерелье вспомогательных исторических дисциплин, которые и являются как бы набором инструментов для исследования. И уж совсем невозможно измерять трудности исторического исследования и определять его специфику милями, километрами и тоннами. Это далеко не полно и вряд ли правильно по существу. Трудность и специфика исторического исследования определяется не обилием и труднодоступностью исторических источников. В конечном счете, можно даже издать все документы, что для определенных эпох и для определенных стран даже уже и сделано. Но разве работа историка стала от этого менее трудной? Можно и самому, в конечном счете, отыскать все сохранившиеся документы, если ставить перед собой эту безумную и безысходную задачу. Беда историка совсем в другом — в недостаточном количестве источников (как бы велико ни было количество сохранившихся документов). И именно исследовательская техника дает возможность при малом (относительно, разумеется) количестве источников воссоздать адекватную действительности картину.

Пожалуй, стоит остановиться. Мы с тобой давно убедились в противоположности наших воззрений на свою науку. В этом нет ничего плохого: ты выразил свою точку зрения печатно, я — в письме. Надеюсь продолжить спор лично...» Из данного письма становится понятным то расхождение с Л. Е. Кертманом, о котором В. М. Панеях писал в своих воспоминаниях, и которое в этих воспоминаниях осталось не раскрытым⁶².

⁶² См. примеч. 3.

Но подобные разногласия, как и писал В. М. Панях в мемуарах, никак не повлияли на личную близость с Л. Е. Кертманом. 25 марта 1969 г. обсуждались планы встретиться в Москве. А 19 сентября В. М. Панях в обычном шутливом тоне сообщал, находясь в отпуске в Аше, о выходе книги Р. Ш. Ганелина «Россия и США, 1914–1917», «сигнальный экземпляр которой подписан за два дня до моего отъезда, в каковой день состоялось и ее обмывание в узком кругу издательско-институтском (10 чел.), вследствие чего я отплясывал с какими-то интуристками голландского и немецкого происхождения и вообще вел себя странно».

Затем внимание было сосредоточено на обстоятельствах развернувшейся полемики между В. М. Паняхом и Е. И. Колычевой по некоторым вопросам истории холопства: «Следишь ли ты за исторической прессой? По странной случайности моя персона прямо или косвенно оказалась в центре внимания — по разным поводам. В журнале “История СССР” (№ 4, 1969) заметка М. Н. Мартынова о втором томе “Пугачева”, основанная на сплошном вымысле и передержках, касается меня как автора и прежде всего редактора. В том же номере статья Е. И. Колычевой (из ин-та истории СССР) под загадочным названием “Опыт применения корреляционного анализа для решения спорных вопросов истории холопства”, в которой идет полемика со многими, а по существу — со мной. Намерен отвечать примерно под таким названием: “Холопы наделы”, “холопье тягло” и математические методы в нашей науке”. Для начала сделаю доклад в секторе московского института с намерением вызвать всеобщую свалку <...> И, наконец, № 8 “Вопросов истории” с рецензией той же Колычевой, весьма лестной и объемной. Появление рецензии именно в этом журнале — загадка для меня. Ведь книга невелика и слишком уж специальна».

А пока, в письме от 31 сентября 1969 г. описывались новые летние впечатления:

«Вот уже 10 дней, как я вернулся из Пицунды, куда поехал из Аше после двенадцатидневного пребывания там в условиях: а) холода, б) недоедания (не могу же я есть любое г-но),

в) духовной жажды — по причине полного отсутствия вино-водочных изделий как то: водки, сухого вина, на худой конец коньяка (и это все на побережье от Туапсе до Сочи). Не желая участвовать в праздничных битвах за портвейн, который бывал раз в неделю, я стронулся с насиженного места и эмпирическим методом отбрасывания добрал до Пицунды.

И очень она мне приглянулась, хотя был я там относительно поздно — с 1 по 18 октября. А может быть, именно поэтому. Очевидно, ранее для дикаря там было бы трудно. Все-таки это небольшой поселок, а приток людей довольно значительный. Много времени (чтобы не сказать все время) я проводил на территории знаменитого, чрезвычайно фешенебельного, но очень удобно и целесообразно сделанного пансионата. И пришел к выводу, что отдыхать надо там по путевке. И непременно буду стремиться ее достать, имея в виду срок примерно с 10–15 сентября. Впрочем, там дороговато и потому вряд ли я сумею это сделать в будущем году: 8 руб. в день в двухместном номере с сортиром и ванной и 7 руб. — без оных. А всего путевка на 18 дней. Впрочем, денег надо иметь много больше, т. к. в каждом корпусе имеется бар. Есть также кафе и пр. И все это работает по вечерам. Там и протекает в основном вечерняя общественная жизнь. Но т. к. одноместных номеров в пансионате нет (в основном — двухместные и несколько трехместных), то туда хорошо ехать вдвоем. Все это я говорю к тому, чтобы пригласить тебя туда для совместного проживания, скажем, на сентябрь 1971 г. (если не получится в 1970 г.). Только необходимо заранее озаботиться приобретением путевок, т. к. это очень трудно. А пока, весь ближайший год я намерен посвятить своей книге, а также и два, за ним следующих. Вот только сгоняю в Одессу, с 10 по 26 ноября на очередной аграрный симпозиум. Хотя окончательно вопрос о моей поездке не решен».

13 апреля 1970 г. в письме говорилось, что подходит к концу работа над «Восстанием Пугачева»: «Вот только что прошла первая корректура третьего тома (и последнего, слава богу) “Пугачева” 37 печ. листов! До этого пять дней провел в Москве — заказывал микрофильмы всяких архивных материалов для своей

работы. Кое-что написал для книги. Но очень немного. Сдал в журнал “Русская литература” рецензию (0,5 а. л.) на книгу Р. Овчинникова⁶³ “Пушкин в работе над архивными документами” (“История Пугачева”). Они мне ее заказали, а у меня не хватило решимости отказаться. Ибо появилась возможность немного поспорить о том, владел ли Пушкин современной ему источниковедческой техникой, применял ли он в историческом сочинении методы и приемы, характерные для литературного творчества, каковы границы применения интуитивного элемента в оценке источников»⁶⁴. Далее в том же письме упоминается «историко-экономический конгресс, который, как ты наверняка знаешь, будет в Ленинграде с 10 по 14 августа. Отпуск планирую на осень в рассуждении <...> все того же конгресса, какового я, кажется, и делегат, и член какой-то там подготовительной комиссии».

И опять корреспонденты не могли уйти от разговоров о судьбах науки, в частности, о том, стоит ли в данный момент писать работы общего характера. Так, 21 июня 1970 г. В.М. Панях писал: «Опубликование твоей статьи о законах считаю несвоевременным. Дело, разумеется, не только в моем предубеждении, а также и в судьбе книги А. Я. Гуревича⁶⁵, например. Думаю, вновь наступила эра конкретных работ фактического характера. Меня, конечно, это не радует, хотя сам имею склонность именно к ним».

В.М. Панях любил путешествовать, знакомиться с новыми местами и новыми людьми. Письма это подтверждают. Осенью 1970 г. Виктор Моисеевич и Борис Васильевич Ананьич сумели получить путевки на турбазу в Мукачево. В письме от 8 октября

⁶³ Р. В. Овчинников.

⁶⁴ Л. Е. Кертман давал В.М. Паняху советы по написанию рецензии, и в письме от 29.10.1970 последний отвечал: «Твои соображения относительно моей рецензии быть может и основательны, но только я полагаю, что в той специфической области, которой посвящена монография, к Пушкину следовало бы прикладывать мерку российских историков (скажем, Эверса, Миллера и др. из этой школы, даже Каченовского), а не зарубежных».

⁶⁵ Видимо, речь идет о раскрытированной книге А. Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма». См.: *Гуревич А. Я. История историка*. М., 2004.

рассказывается: «Там мы на автобусе объехали Закарпатье, а кроме того с вещмешками (пудовыми) пешком прошли за неделю около 100 км по горам и даже похудели <...> Приехал в Ленинград, не вполне представляя себе, как провести остаток отпуска, и сразу же получил предложение отправиться в командировку в Сигулду (!) — на очередной аграрный симпозиум. Само собой, я согласился, отозвался из отпуска и неделю прожил на Сигулдской турбазе, которая была закуплена под симпозиум. Если учесть, что ни в Риге, ни в Сигулде я до того никогда не был, то, сам понимаешь, время зря не потерял».

В этом же письме сообщается, что вышел последний (третий) том «Восстания Пугачева»: «Тем самым подведена черта под немалым отрезком моей биографии. И слава богу! Дальше начнутся суетные и совершенно неуместные действия (выдвижение на премию ЛГУ, выдвижение на Гос. премию), но ко мне они не будут иметь решительно никакого отношения. В конце ноября у меня намечен выезд в Москву — в предварительном порядке согласован срок доклада в секторе феодализма нашего ин-та (1 декабря). Пря будет великая <...> и еду для этого прямо в логово. Предполагаю быть в Москве недельку — дней 10 (числа с 25–26 ноября)». В. М. Панеях, действительно, никогда не страшился «свалки» или «бучи», об устройении которых неоднократно упоминал в письмах, если речь шла о принципиальных для него вопросах. В данном случае речь шла об уже упомянутой статье Е. И. Колычевой, которой В. М. Панеях был задет как автор работ о кабальном холопстве. Из его устного воспоминания известно, что «свалку», приехав в Институт истории в Москве, он действительно устроил, предварительно проконсультировавшись в Ленинграде с Б. Н. Мироновым по вопросу о том, могут ли математические методы сами по себе опровергнуть сделанные им выводы.

Между тем В. М. Панеях продолжал работать над темой холопства, окончательно определив ее как основную для себя. 19 марта 1972 г. писал о начатой им второй книге на эту тему⁶⁶:

⁶⁶ *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975.

«...работа же идет туго и медленно. Времени осталось мало: в конце года рукопись должна быть представлена для обсуждения, написать же еще надо листов 10. Но сложность даже не в этом. По всем канонам полагается, чтобы вторая книга была лучше первой. А то, чем я занимаюсь сейчас, по-моему, не перекрывает уже сделанного. Работа получается фрагментарной, очерковой и нецельной. Прежняя же книжка, при всех ее несовершенствах, которые сейчас мне особенно наглядно видны, была сильна как раз ее целеустремленностью и монографичностью».

Из событий в институте этого времени описывалась скорее общая атмосфера ожиданий каких-то перемен, обычно связанных с переменами в руководстве: «В институте же очень жмут, хотя после смерти Хвостова⁶⁷ возможно нажим ослабеет. Из столицы приходят самые фантастические известия по поводу премника. Называют Рыбакова, Гафурова, Кима, Кукина, Бромлея, Трухановского, даже Жукова. По мне — все едино, хуже, чем было, уже не будет, это я знаю точно».

Но письма никогда не ограничивались описанием событий в ЛОИИ или Академии наук в целом. В.М. Панях интересовался также делами истфака ЛГУ. В этом же письме читаем: «Истфак сейчас переживает период предобновления. Само же обновление, по-видимому, наступит — и то в умеренных объемах — в новом году. Меньше всего оно коснется новой истории. Хотя и этой кафедры оно касается. Предрешен уход Белановского. Возможно и Мнухиной. Во всяком случае, если в этом году она останется, ее влияние резко пойдет на убыль. Думаю, что и влияние Ревуненкова⁶⁸ резко сократится. Новый декан взял линию на молодые силы (молодые — в смысле средние). В принципе это правильно, особенно в тех условиях, но беда в том, что молодых либо нет, либо они не лучше старших. После

⁶⁷ Академик В.М. Хвостов в 1971–1972 гг. являлся академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, умер 9 марта 1972 г.

⁶⁸ Профессор В.Г. Ревинунков до 1959 г. был деканом исторического ф-та, затем оставался зав. кафедрой истории нового и новейшего времени. Р.С. Мнухина и В.С. Белановский — преподаватели этой кафедры.

смерти Окуня Боре⁶⁹ предложили перейти на кафедру истории СССР, но ведь он, конечно, отказался. Отсутствие же своих молодых тоже свидетельство кризиса стариков».

В. М. Панеях продолжал регулярно ездить в Москву, и не только для работы в архиве, но и для участия в обсуждениях, происходивших в Институте истории, причем для участия в таких заседаниях сотрудников ЛОИИ иногда специально вызывали. Так, в письме от 24 мая 1972 г. читаем: «Сегодня вновь еду в Москву на два дня (лишь пять дней, как вернулся оттуда). Теперь на ученом совете института обсуждение доклада Корецкого⁷⁰ о спорных вопросах закрепощения крестьян в России XVI–XVII вв. Меня вызывают почти принудительно. К выступлению готов, но о книге решил не говорить — о ней де я уже все сказал».

Тем временем В. М. Панеях обдумывал защиту докторской. В письме от 25 августа 1974 г. он писал: «Мое диссертационное дело сдвинулось, благодаря стараниям Володи Золотухина⁷¹: в июне принято решение о назначении рецензентом проф. Горского из МГУ⁷². У меня с ним хорошие отношения и, возможно, я его скоро увижу в Вологде, где намерен быть на очередном аграрном симпозиуме с 5 по 11 сентября (с докладом)». Была опубликована еще одна популярная книга о Пугачеве: «В настоящий момент и до конца сентября я замечаю в очередной раз ученого секретаря. Недавно вышла из печати книжка “Пугачев и пугачевцы” — переиздание “Пугачева и его сподвижников” (с Мавродиным и Лимоновым — в соавторстве). Вскоре ты ее получишь».

Однако в начале 1970-х годов главной заботой стал выход второй книги по истории холопства в России. Мы еще раз

⁶⁹ Профессор ЛГУ С. Б. Окунь скончался 23 февраля 1972 г. Боря — Б. В. Ананьич.

⁷⁰ В. И. Корецкий, сотрудник Института истории СССР АН СССР, специалист по истории России XVI–XVII вв., в особенности по истории закрепощения крестьян (сторонник «указной» теории закрепощения) и позднему летописанию.

⁷¹ В. П. Золотухин.

⁷² А. Д. Горский.

убеждаемся в той огромной роли, какую в те годы играла в жизни ученых политика главного издательства научной литературы — издательства «Наука», и ее редакторов. В письме 1974 г. (в нем нет конца, следовательно, и точной даты, но предположительно это осень) подробно рассказывается о сложностях в отношениях с Ленинградским отделением этого издательства: «Итак, книга называется “Холопство в XVI — начале XVII в.” (20 п. л.) — идет по плану выпуска 1975 г. в Ленинградском отделении Издательства “Наука”. Ответственный редактор книги — Н. Е. Носов. В конце сентября вся редакционная работа была завершена и книга была подписана в набор, в том числе и главным редактором ЛО издательства⁷³ Е. В. Стукалиным. Как только она из редакционного отдела попала в производственный отдел, где у меня все друзья во главе с зам. директора ЛО Издательства по производству А. А. Коссым, ее стали срочно готовить к набору и после этого 4 октября отправили в типографию, включив в план набора на октябрь. В тот же день Стукалин потребовал, чтобы рукопись ему вернули из типографии, т. к. ему еще необходимо ее посмотреть, хотя в настоящий момент типографии нечего набирать. Полагаю, что в конце сентября Стукалин не мог не подписать мою книгу в набор, поскольку редотдел не выполнял квартальный план. Подписав ее и выполнив тем самым план (прогрессивка!), он уже без ущерба для своего отдела затребовал рукопись назад. Носов — и как руководитель ЛОИИ, и как отв. редактор книги обратился к Стукалину (по телефону) за разъяснениями. Тот держался по-хамски (чего раньше по отношению к Носову себе не позволял) и сказал, что: 1) Панях днюет и ночует в изд-ве, проталкивая свою книгу; 2) он, Стукалин, хочет еще посмотреть, что там Панях понаписал; 3) нет производственной необходимости так спешить с набором этой книги; 4) пока он является отв. редактором, определять, какую книгу выпускать раньше, какую позже, будет он».

Для другого автора такое стечение обстоятельств могло стать фатальным. В. М. Панях, хотя и пользовался

⁷³ ЛО издательства «Наука».

поддержкой Н. Е. Носова, имел опасения относительно своей книги, понимая истоки отношения к нему со стороны руководства «Науки»: «С моей точки зрения, опасность заключается не в том, что выход книги может задержаться, а в возможности исключения ее вообще из плана. Делается это так. Ежегодно в конце ноября — начале декабря издательство представляет в РИСО предложения по уточнению плана выпуска на следующий год (в сторону его уменьшения) и РИСО, обычно не вдаваясь в рассмотрение, утверждает эти уточнения. Мотив — превышение лимита по издательству в листах. Все это внешняя, так сказать, событийная сторона дела. Внутренние же его причины таковы. Вот уже 12 лет я веду все издательские дела ЛОИИ; как здесь, в Ленинграде, так и в Москве (РИСО, институт и т. д.). Все это время отношения ЛОИИ и мои лично с издательством были весьма хорошими. Именно потому Носов ни при каких условиях не хотел освобождать меня от этих обязанностей. Но 2 года тому назад главным редактором ЛОИИ Издательства был назначен Е. В. Стукалин, которого Камков разыскал в недрах Лениздата, где тот пребывал в должности рядового редактора. Оказалось, что он кузен другого Стукалина — председателя Гос. Комитета по делам печати. Первоначально у меня с ним складывались неплохие отношения, и мы находили общий язык. Но затем с перерывом в полгода между нами произошли два острых конфликта, усугубленные отсутствием в одном случае Носова в Ленинграде и невозможностью потому опереться на него. В обоих случаях издательство хотело потихоньку исключить из плана книжки, очень важные для ЛОИИ. В обоих случаях я узнавал об этом по своим каналам информации и сумел помешать. В результате: а) одна книжка уже вышла; б) вторая, как я надеюсь, на пути к выходу; в) Стукалин жаловался на меня Носову, утверждая, что я вмешиваюсь во внутрииздательские дела и т. д. У меня уже была договоренность с Носовым, что он меня отпускает и назначает на изд. дела другого человека. Но теперь он задерживает меня, полагая, что это означало бы капитуляцию и признание моей вины».

Препятствия были, в конце концов, преодолены, книга вышла в свет, и докторская диссертация была успешно защищена, о чем и написано в письме от 17 апреля 1976 г. в свойственной В. М. Паняху юмористической манере: «Благодарю тебя от души за поздравления. Что же касается масштабов удовлетворения, то твоя позиция справедлива, по-моему, лишь отчасти. Разумеется, все, о чем ты пишешь, верно, и по этому поводу выпито разово и одновременно достаточное количество спиртного, в первую очередь, естественно, — водки. Я прекрасно сознаю, что всего этого могло и не быть. Но с другой стороны, после того, что я в ЛОИИ закрепился, нужно было бы быть абсолютной бездарностью, чтобы рано или поздно не прийти к такому финишу. Поворотный пункт в моей жизни наступил не сейчас, а 15 лет тому назад, когда состоялась защита кандидатской диссертации, и радовался я тогда несоизмеримо больше. Есть и другая сторона проблемы. В рамках моего прежнего положения я был фигурой незаурядной, можно сказать, что я был выдающимся кандидатом наук. И такой мой статус не требовал от меня сверхчеловеческих усилий для его поддержания. Что же касается моего нынешнего статуса, то я отнюдь не обольщаюсь, прекрасно осознавая свои возможности. Короче — таких докторов, как я — хоть пруд пруди (если сие занятие не покажется тебе, доктору-ветерану, обидным). Конечно, я понимаю, что в условиях всеобщей девальвации докторской степени я смотрюсь не хуже многих, но и много хуже немалого количества коллег. И уж совсем невозможны сопоставления с великими стариками, у которых все мы учились и с которыми некоторое время работали. Все вышесказанное не означает, что мое остепенение не вызвало у меня положительных эмоций. Но радость оказалась отнюдь не безразмерной, а ограниченной сознанием того, что не очень-то многое умею и еще меньше знаю».

Уже после защиты, в письме от 14 августа 1976 г. речь шла о научном споре по одному из вопросов, затронутых в книге, с Р. Г. Скрынниковым: «Хотелось <...> выяснить реакцию москвичей на большую (более 1 а. л.) проблемную рецензию, написанную по поводу моей книги Р. Г. Скрынниковым (“История

СССР”, 1976, № 3)⁷⁴. В некоторых отношениях она неприятна. Московские и ленинградские коллеги относятся к ней отрицательно. И. Д. Ковальченко, которого я в Москве не видел, но который знал, что я нахожусь там, передал через третьих лиц, что журнал поместит ответ, если я захочу его написать. Но сам я решения еще не принял, хотя намерен выступить в своем собственном секторе с докладом примерно под таким названием: “Спорные вопросы истории холопства в России”. Таким образом, это будет не прямой ответ, а ответ как часть более широкой постановки проблемы. Если доклад получится и будет одобрен, тогда не исключено, что стану стучаться в журналы. Автор рецензии — мой бывший однокурсник, ныне профессор ЛГУ. В принципе я не очень обеспокоен рецензией и хочу проявить осторожность и осмотрительность. Кстати, скоро в “Вопросах истории” появится безусловно-положительная рецензия А. А. Зимина»⁷⁵.

В конце 1970-х годов в письмах появилась новая болезненная тема — ухудшение отношений с возглавлявшим ЛОИИ Н. Е. Носовым, старым университетским товарищем В. М. Панеяха, долгие годы поддерживавшим его во многих вопросах. В письме от 22 декабря 1978 г. читаем: «На работе у меня обстановка становится все более напряженной, и вскоре мы едва ли в этом будем отличаться от московского института. Мои отношения с Носовым тоже обострились, были и прямые публичные столкновения». Трещина в отношениях оказалась делом не временным, продолжала углубляться, и об этом сообщалось в более поздних письмах. Так, 28 декабря 1980 г. В. М. Панеях писал, между прочим: «У меня вторая половина года прошла довольно суматошно. Завершил книгу (“Холопство в первой половине XVII в.”)⁷⁶. Сектором феодализма она утверждена к печати безусловно и с необычным единодушием по части неумеренных

⁷⁴ См.: *Скрынников Р. Г.* Рабство и кабала в XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 156–169.

⁷⁵ См.: *Зимин А. А.* [Рец. на кн.: Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975] // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 165–168.

⁷⁶ Речь идет о третьей книге В. М. Панеяха по истории холопства в России. См.: *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984.

комплиментов. Впереди — ученый совет и самый главный этап: включение в издательский план 1982 года, что вовсе не бесспорно. Конечно, с книгой мне еще предстоит некоторая работа — сокращение до 20 а. л. (написано листа на 3–4 больше), уточнение структуры, быть может, написание заключения (не решил еще, необходимо ли оно, хотя публика рекомендует писать). Но настоящего дела почти не осталось. А еще я недавно переаттестовался на очередные 5 лет, схватив из 21 голоса 1 недействительный. По некоторым признакам — это Носов, против которого на том же заседании Ученого совета я резко выступил (по конкретному вопросу, связанному с тем, что рекомендованное мной в аспирантуру лицо не было взято, несмотря на преимущество в 2 балла на экзаменах)⁷⁷.

В продолжении этого же письма, после рассказа о том, как обстоят дела с его собственной научной работой, В. М. Панеях возвратился к сюжету о Н. Е. Носове: «В процессе переаттестации я обнаружил, что мало стал печататься и сразу же принял ряд мер: большая статья утверждена в “Исторических записках”, утверждена к печати статья в “Истории СССР”, завел роман в “Вопросах истории”, где я раньше не печатался. Теперь в 2-м № за 1981 г. идет публикация документов о новгородском восстании 1650 г., сдана написанная по заказу Созина⁷⁸ рецензия на книгу Овчинникова о манифестах и указах Пугачева⁷⁹, есть договоренность о большой статье, посвященной холопству. Кое-что рассовал по сборникам. Так что вся эта мелочь сейчас меня

⁷⁷ Речь идет об О. Б. Кох, как это явствует из помет В. М. Панеяха к этому письму (на приложенных к письмам листках, см. о них в начале данной статьи): «Выступление против Носова из-за Оли Кох».

⁷⁸ И. В. Созин — зам. главного редактора «Вопросов истории».

⁷⁹ См.: *Панеях В. М.* Добровольное холопство в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1982. Т. 108. С. 155–188; *Он же.* Из истории закрепощения крестьян в конце XVI — первой половине XVII в. // История СССР. 1981. № 5. С. 164–173; *Он же.* Новые материалы о Новгородском восстании 1650 г. // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 83–90; *Он же.* [Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковед. исслед. М., 1980] // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 134–136.

поглощает целиком. С завтрашнего дня иду в отпуск, оставшийся от 1980 г. Недели на две хочу пробыть в Репино, в знакомом тебе доме творчества киношников, закончить мелкие поделки, чтобы взяться за главное: план 1981–1982 г. (комментарии к холопшей главе Соборного уложения 1649 г. + статья о вспомогательных исторических дисциплинах в научном наследии А. А. Зимина + проблемно-историографическая статья, заказанная “Историей СССР”, о крепостном праве в XVI–XVII вв.)⁸⁰. Строго говоря, по институтскому плану должен делать только комментарии, а остальное — мой личный план <...> А еще назревают изменения в ЛОИИ. То, чего так жаждали, но не смогли получить Хвостов и Нарочницкий, как будто получает Хромов⁸¹ — право заменить Носова. Воспользовавшись истечением его пятилетних полномочий и необходимостью представления на новый срок, а также потоком жалоб (в основном анонимных) в различные органы, вызванных неадекватным поведением Коли в последнее время, Хромов созвал в Ленинграде зав. секторами и членов бюро и, выставив Носова из кабинета, попросил высказаться. В результате 5 человек выступили против. Этого, по некоторым сведениям, оказалось достаточно. Впрочем, результата пока нет, но говорят, что Хромов получил согласие здесь, и там давно этого ждут. По слухам, сейчас подыскивают преемника. Я не жалею об этом, если, конечно, преемник будет приличным: пока все кандидаты меня устраивают»⁸².

Руководство ЛОИИ Н. Е. Носовым составило целую эпоху в истории института, а приход В. А. Шишкина знаменовал новый отрезок его истории. В письме от 20 февраля 1982 г. В. М. Панеях писал: «В ЛОИИ конечно много перемен — и деловых

⁸⁰ *Панеях В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // ВИД. 1983. Т. 14. С. 107–135; *Он же.* Из истории закрепощения крестьян...

⁸¹ С. С. Хромов — директор Института истории СССР АН СССР в 1979–1988 гг.

⁸² Н. Е. Носов был снят с поста заведующего ЛОИИ в 1981 г., пробыв на этом посту 20 лет. После этого ЛОИИ возглавил В. А. Шишкин. Из письма В. М. Панеяха следует, что решение о снятии Н. Е. Носова давно вынашивалось в Москве.

и кадровых. С новым директором у меня всегда были товарищеские отношения, такими же и остались. Более того, как говорит Саша⁸³, я — оплот режима, поскольку включаем в разные комиссии, а также являюсь объектом обращений за советом по всяким феодально-секторальным делам».

Большое внимание в это время В. М. Панеях уделял тому, чтобы почтить память и развивать творческое наследие своего покойного друга А. А. Зимина, умершего в 1980 г. В том же письме сообщалось о сборнике памяти А. А. Зимина, а также о том, что Виктор Моисеевич собирался ехать «в столицу 1) сделать доклад “Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина”. Написал на эту тему большую статью (более 2 а. л.) и решил устроить в секторе источниковедения (В. И. Буганов) явочным порядком заседание памяти, благо 22-го — день рождения А. А., а 25-го — день смерти (2 года тому назад)». Но для поездки была и еще одна цель, важная для творчества самого В. М. Панеяха. Тогда он находился в определенном смысле на распутье, думая о новых направлениях своих исследований. Одним из вариантов было заняться темой Новгорода в середине XVII в. Поэтому далее в письме говорится о намерении «посмотреть архив на предмет выявления материалов по теме, которая начинается у меня в 1983 г. — “Новгород в середине XVII в. и новгородское восстание 1650 г.” (10–12 а. л. на три года)». Кроме этого, в Москве можно было «себя показать, на людей посмотреть», и еще «поискать в архиве некоторые материалы по А. Е. Преснякову, т. к. после недавнего приезда В. А. Дунаевского в Ленинград решено, что мы с Цамутали будем руководить изданием третьего тома его курса лекций»⁸⁴.

⁸³ А. А. Фурсенко.

⁸⁴ В. А. Дунаевский был зам. председателя научного совета по проблеме «История исторической науки». Однако работа по публикации третьей части лекций А. Е. Преснякова тогда хоть и была запланирована, но не состоялась. Эти лекции, подготовленные к изданию еще Б. А. Романовым (почему В. М. Панеях и взялся за их издание), были опубликованы по корректуре Романова только в 2020 г. См.: *Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство*. СПб., 2020.

Другим направлением работы в те годы было участие в большой коллективной работе по подготовке академического издания Соборного уложения 1649 г.⁸⁵ Нужно напомнить, что Б. А. Романов был участником первых проектов издания памятников древнерусского права в ЛОИИ — Правды Русской и Судебников XV–XVI вв. Поэтому для В. М. Панеяха его участие в издании как «Законодательных актов Русского государства XVI–XVII века», так и Соборного уложения, конечно, воспринималось как продолжение дела учителя. Работа шла параллельно с подготовкой книги о холопстве XVII в.: «Сейчас интенсивно занимаюсь научным комментарием к гл. XX Соборного Уложения 1649 г. (листов на 5) и готовлюсь к возвращению к книге, которую вроде бы хотят включать в план редподготовки, почему кое-что не мешало бы сделать, хотя в принципе она готова (из того же письма от 20 февраля 1980 г. — В. В.-Л.). А еще возникло у меня желание написать популярную книгу о вспомогательных исторических дисциплинах как инструменте историка. Идеально было бы попасть в “Эврику” (“Молодая гвардия”), но это не реально. Может быть “Детская литература”? Но все это пока в сфере платонических, вернее маниловских прожектов». К сожалению, этой мечте не суждено было осуществиться. Можно предположить, что книга, если бы она вышла, была бы интересна для широкого читателя. Виктор Моисеевич всегда хотел учить студентов, но был большую часть жизни лишен такой возможности, пока уже намного позднее не стал профессором Европейского университета, и тогда с большим энтузиазмом отдался делу преподавания. А в 1980-х годах мысли о такой научно-популярной книге, как представляется, возникли именно из нереализованного желания преподавать.

Л. Е. Кертман волновался по поводу отношения В. М. Панеяха к своей последней монографии о холопстве. 1 декабря 1984 г. Виктор Моисеевич отвечал ему: «Ты настойчиво (и по телефону и в письме) спрашиваешь, не утратил ли я эйфорического состояния, вызванного выходом книги. Должен признаться, что

⁸⁵ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.

его и не было. Радость — да, удовлетворение — конечно, но эйфория... Пожалуй я могу вспомнить лишь несколько эйфорических состояний, связанных с профессией, — выход в свет первой статьи (1952 г.), поступление в аспирантуру (1956 г.), зачисление в ЛОИИ (1960 г.). Так что выход книги пережил легко, как и утрату 350 руб., которые заплатил за 150 экземпляров, и еще 100 руб., которые пропил с издателями». И вообще, как бывает после окончания большого труда, в письме чувствуется печаль, так не свойственная обычно автору письма: «О себе могу сказать так: что-то все не так. То ли накопилась нервная (и физическая) усталость <...> то ли приходит время, но работаю малопродуктивно, чувствую себя неважно. До конца года должен еще написать главу для коллективного труда. В будущем году — главу для другого коллективного труда. Между ними — издание третьего тома лекций Преснякова (общая редакция, вступительная статья), обещанная статья для “Вопросов истории”, обещанная статья для “Вспомогательных исторических дисциплин” и т. д. А сил и желания нет. Относительно спокойнее должно быть с 1987 г. — 5 лет на монографию (историографическую!)». В. М. Панях тогда планировал писать книгу по историографии древнерусского частного акта. Книга эта так и не состоялась, хотя вышло несколько концептуальных статей, были сделаны научные доклады. И все это, видимо, вывело на другую большую тему — историю петербургской исторической школы. Ею Виктор Моисеевич занимался уже до конца жизни. А пока «в ЛОИИ идут бои местного значения, в которых я иногда принимаю участие. Один из результатов — дали мне аспирантку (очную), против приема которой интриговал Носов. Но начальство и я его перебороли. Дочка моей приятельницы, ученицы Лихачева. Сама аспирантка — ученица Скрынникова⁸⁶ <...> Вот, собственно, и все. Поскольку а) “на свете счастья нет, а есть покой и воля”; б) “покой нам только снится”; в) воли у нас навалом, то все хорошо».

⁸⁶ Речь идет об авторе данной статьи. Можно лишь сожалеть, что до меня у В. М. Паняха не было аспирантов, и радоваться тому, что после этого у него успели выучиться еще несколько учеников.

Последние письма датированы 1986 г. 6 апреля В. М. Панях так писал о своей работе в ЛОИИ: «Работал всю вторую половину 1985 г. на полный износ из-за необходимости сдать в январе большой коллективный труд (30 а. л.) в издательство, коим меня назначили руководителем и отв. редактором после смерти Носова, который ровным счетом ничего не успел сделать. Там и мой текст листов на 5. Кроме того в изд-ве академическое издание Соборного уложения 1649 г., где я автор части комментария на 6 листов и член редколлегии (действующий, а не почетный). Из-за всего этого горит план этого года — глава в 4 листа для коллективного труда о крестьянах Северо-запада России. Горят также всякие заказы в “Вопросах истории”, где меня возлюбили, и в “Истории СССР”, где меня любили и раньше. По поводу нашего письма в “В. и.” (1985, № 11) у меня состоялся интересный разговор с В. Г. Трухановским⁸⁷, с которым я ранее не был знаком; я высказал ему все, что я думаю о журнале (в присутствии Созина) и линии редколлегии, а думаю я сверхплохо. Беседа продолжалась около часа, и он ссылаясь на нее во время последнего заседания редколлегии, в частности, по поводу моего мнения о выступлении члена редколлегии и зам. директора Института истории А. Н. Сахарова в Ленинграде по вопросу генезиса феодализма в Киевской Руси⁸⁸. Я сказал, что если журнал хочет опозорить себя всесветно, то статью можно и следует печатать. Как видно, это не улучшит мои отношения с Сахаровым. Зато в № 5 “Вопросы истории” печатают весьма похвальный отзыв о моей последней книге (они его мне показали) и Трухановский заказал мне рецензию на выходящую книгу Зимины»⁸⁹.

⁸⁷ В. Г. Трухановский — главный редактор журнала «Вопросы истории» с 1960 по 1987 г.

⁸⁸ В. М. Панях разделял мнение той части научного сообщества (к которой принадлежал и Б. А. Романов), которая по вопросу о феодализме в Древней Руси придерживалась линии, противоположной взглядам Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова.

⁸⁹ См.: *Ермолаев И. П.* [Рец. на кн.: Панях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984] // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 116–118;

В ЛОИИ тем временем, как и везде, жили в ожидании перемен, которые уже носились в воздухе. Пока шел переход на новые должности: «У нас в ЛОИИ (как, впрочем, и везде в Академии) ажиотаж с переходом на новую должностную систему и на новую оплату. Для докторов она отнюдь не означает повышения зарплаты, будет иметь тенденцию к снижению. Часть докторов останется старшими (максимум 350 р.), некоторые превратятся в ведущих (максимум 400 руб.) и лишь единицы — в главных (максимум 450 р.). По всем данным мне полагался бы статус ведущего, но возможны варианты (старший +50 р. докторская надбавка, но тогда пенсия исчисляется из 350 р. и равна 140 р.). Впрочем, не думаю, чтобы начальство на это решилось, хотя отношения, ранее безоблачные, сильно осложнились. Поживем — увидим».

В конце письма В. М. Панеях возвратился в неоднократно высказываемой в письмах мечте отдохнуть как-нибудь вместе с Л. Е. Кертманом: «На октябрь намечена защита в Москве в Ин-те истории СССР, где я выступаю оппонентом. Не встретимся ли с кем-нибудь из вас? Затем хотелось бы в Кисловодск, если врачи сочтут это возможным⁹⁰. По моим наблюдениям, там хорошо. Во всяком случае, уже через неделю, т. е. в начале октября через день ходил на Большое седло и поднимался за 1 час 40 мин (!). А приехал в Ленинград, и сразу же начались приступы. Перенести бы ЛОИИ туда!»

В Кисловодск удалось поехать тогда в декабре, и, к сожалению, письмо, посланное оттуда 3–7 декабря 1986 г., оказалось последним. Через год, 30 ноября 1987 г. Л. Е. Кертман умер. В письме много того, чем жили люди в конце 1980-х годов, наблюдая старое, но уже всей душой надеясь на новое: «На работе

Панеях В. М. [Рец. на кн.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986] // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 132–134.

⁹⁰ Именно тогда у В. М. Панеяха начались проблемы со здоровьем, была обнаружена астма, которая мучила его до конца жизни. Но он продолжал каждую осень, в октябре — ноябре, пока мог, ездить в академический санаторий в Кисловодск — место, которое очень любил и откуда всегда возвращался обновленным.

<...> малоприятная обстановка. Начальники стали много политиканствовать. Лично меня это не касается, казалось бы, но институтские дела волнуют, а потому — не молчу. Результат — отчуждение с руководством, и его попытки как-то меня унять. Но это — безуспешно. В отделении истории ожидаются перемены, которые могут воспоследовать за сменой Федосеева⁹¹. Не исключено, что свалится и Хромов. Готовится постановление ЦК по исторической науке (кажется, к маю). Пока это в руках мафии, но имеют место попытки противостоять ей (Ю. Н. Афанасьев из «Коммуниста»⁹², он взывал о помощи, которая в виде ряда предположений и идей мною была передана по назначению; впрочем, его окончательный текст я не видел). Все это — большой секрет!!!»

Переписка с Л. Е. Кертманом играла важную роль в жизни В. М. Панеяха. Смерть Л. Е. Кертмана была для него тяжелым ударом. Сохранилось письмо от 25 ноября 1992 г., адресованное вдове Л. Е. Кертмана Сарре Яковлевне Фрадкиной, известному литературоведу. Оно было написано из Кисловодска:

«Завтра будет пять лет, как Левы нет с нами <...> Что и говорить, я всегда, сколько себя помню, развивался и формировался как личность под могучим влиянием Левы — и в детстве, и в юности, и в зрелые годы. Помню, каким событием был для меня каждый приезд его в Ленинград еще до войны, помню в Казани, когда Вы, Сарра, уехали в Киев, как я любил приходить к нему просто поболтать (а было мне 13–14 лет). А частые наезды Левы в Ленинград после войны. Ведь именно тогда и именно под его влиянием произошел выбор профессии, что и предопределило всю мою последующую жизнь. Конечно, с этого времени вступили в силу и другие факторы, но присутствие Левы в моей жизни осталось навсегда, и теперь тоже.

⁹¹ Академик П. Н. Федосеев ушел с должности вице-президента АН СССР по общественным наукам в 1988 г.

⁹² Ю. Н. Афанасьев — историк, специалист по французской историографии, с 1986 г. многолетний ректор Московского государственного историко-архивного института (позднее — РИГУ). С 1983 г. был также редактором отдела истории журнала «Коммунист», где опубликовал ряд статей, критиковавших положение в советской исторической науке.

Между прочим, люди, познакомившиеся с нами независимо друг от друга, говорили мне, что у нас обнаруживаются общие характерологические черты личности. Если это так (в чем я, впрочем, сомневаюсь), то ведь это тоже не генетические свойства, а следствие общения.

И в Кисловодск я стал ездить под прессингом Левы. Мы даже планировали там как-нибудь встретиться, да не получилось. Много не получилось вообще в его жизни (как и в моей, хотя в моей в меньшей степени). Я давно считаю, что он реализовал свой мощный потенциал лишь в малой степени — известно из-за чего. Мне кажется, что в нынешних условиях его талант оказался бы востребованным и проявился бы в новых гранях и ипостасях <...> Кисловодск был пустынен и потому тих. Это позволяло сосредоточиться, и я часто и много вспоминал о наших слевой встречах. Некоторые эпизоды, как оказалось, впечатались и воспринимаются так, как будто произошли вчера, а не 30, скажем, лет тому назад».

Виктор Моисеевич всегда очень строго относился к критике исторических источников, требовал от своих учеников неизменно соблюдать этот подход. Конечно, личная переписка — один из наиболее сложных источников, в том числе письма В. М. Паняха. Прежде всего, как представляется, они содержат сведения о жизни их автора, показывают его взросление, важные для него этапы и стороны жизни, отношения с друзьями и коллегами. Письма раскрывают черты быта определенной части советских академических ученых: образ жизни на отдыхе, поездки в командировки и др. Они имеют значение также для истории ЛОИИ, поскольку содержат некоторые важные детали, касающиеся плановых заданий сотрудников и их выполнения, заседаний, конференций и симпозиумов, проходивших в означенные годы.

Кроме того, письма передают атмосферу в академических кругах второй половины 1950-х — 1980-х годов, слухи и предположения относительно судьбы академии и ее институтов. Разумеется, В. М. Панях принадлежал к определенной группировке в академической среде (и в ЛОИИ — в частности), что следует

учитывать при использовании характеристик, даваемых различным людям, например, Н. Е. Носову — выдающемуся ученому и организатору, очень много сделавшему для ЛОИИ, но с которым Виктор Моисеевич разошелся в конце жизни последнего. Кстати, в более поздние годы он всегда говорил о Н. Е. Носове с неизменным уважением, как о таком руководителе института, который имел продуманную концепцию его развития, исходящую из интересов исторической науки. В. М. Панеях также признавал ученые заслуги А. И. Андреева, действительно очень крупного источниковеда и историка, но человека с тяжелым характером, которому даны нелицеприятные характеристики в письмах как Б. А. Романова, так и В. М. Панеяха.

То, что письма по сути отражают позицию не одного В. М. Панеяха, а целой группы историков, его друзей в Ленинграде и в Москве, по отношению к тем или иным научным гипотезам и направлениям, а также происходившим в стране событиям, придает им дополнительную ценность. Письма В. М. Панеяха Л. Е. Кертману достойны использования в научных исследованиях как по истории советской исторической науки, так и в более широком смысле — советской интеллигенции второй половины XX в.

Литература

Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII в. М., 1958.

Ананьич Б. В. Русское самодержавие и внешние займы в 1898–1902 гг. // Из истории империализма в России. Труды ЛОИИ. Вып. 1. М.; Л., 1959. С. 183–218.

Березный Л. А. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907 // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 188–193.

Вовина-Лебедева В. Г. Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В. М. Панеяха // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4 (20). С. 227–246.

Гуревич А. Я. История историка. М., 2004.

Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / составитель В. М. Панеях. СПб., 2010.

Ермолаев И. П. [Рец. на кн.: Панеях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984] // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 116–118.

Зимин А. А. [Рец. на кн.: Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975] // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 165–168.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.

Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2.

Лебедев С. К., Петров Ю. А. Академик Борис Васильевич Ананьич: творческий путь ученого // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в. Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017.

Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 1. Изд. 4.

Панеях В. М. [Рец. на кн.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986] // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 132–134.

Панеях В. М. [Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковед. исслед. М., 1980] // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 134–136.

Панеях В. М. Борис Александрович Романов // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 213–214.

Панеях В. М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // У источника. М., 1997. Вып. 1: Сб. в честь С. М. Каштанова. Ч. 2. С. 490–545.

Панеях В. М. Борьба за Башкирию // Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 133–156.

Панеях В. М. Борьба народов Башкирии // Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 205–236.

Панеях В. М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимины // ВИД. 1983. Т. 14. С. 107–135.

Панеях В. М. Добровольное холопство в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1982. Т. 108. С. 155–188.

Панеях В. М. Из истории закрепощения крестьян в конце XVI — первой половине XVII в. // История СССР. 1981. № 5. С. 164–173.

Панеях В. М. Из истории кабального холопства в XVI в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960 (Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 2). С. 101–128.

Панеях В. М. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабаках Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. 1956. Т. 5. С. 210–230.

Панеях В. М. К вопросу об указе 1601 г. // Проблемы источниковедения. 1961. Т. 9. С. 262–269.

Панеях В. М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

Панеях В. М. Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г.: (Опыт реконструкции) // История СССР. 1960. № 1. С. 175–181.

Панеях В. М. Новые материалы о Новгородском восстании 1650 г. // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 83–90.

Панеях В. М. О степени участия народностей Башкирии в Крестьянской войне 1773–1775 гг. на первом ее этапе // Вопросы истории Урала: Материалы 2-й науч. сес. вузов Урал. Зоны в г. Перми, 20–22 апр. 1965 г.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975.

Панеях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство. СПб., 2020.

Романов Б. А. Очерков дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1947; 2-е изд. М.; Л., 1955.

Скрынников Р. Г. Рабство и кабала в XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 156–169.

Смирнов И. И. Восстание Ивана Болотникова 1606–1607. М., 1951.

Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.

Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967.

Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет // Труды Института истории науки и техники. М., 1935. Т. 4.

Фурсенко А. А. Из истории русско-американских отношений на рубеже XIX–XX вв. // Из истории империализма в России. Труды ЛОИИ. Вып. 1. М.; Л., 1959. С. 219–269.

References

Alefrenko P.K. Krest'yanskie dvizheniya i krest'yanskij vopros v Rossii v 30–50-h godah XVIII v. *M.*, 1958.

Anan'ich B.V. Russkoe samoderzhavie i vneshnie zajmy v 1898–1902 gg. // *Iz istorii imperializma v Rossii. Trudy LOII. Vyp. 1. M.; L.*, 1959. S. 183–218.

Bereznyj L.A. B.A. Romanov. Oчерki diplomaticheskoy istorii russko-yaponskoj vojny. 1895–1907 // *Voprosy istorii. 1957. № 12. S. 188–193.*

Ekaterina Nikolaevna Kusheva — Boris Aleksandrovich Romanov. *Perepiska 1940–1957 godov / sostavitel' V.M. Paneyah. SPb.*, 2010.

Ermolaev I.P. [Rec. na kn.: Paneyah V.M. Holopstvo v pervoj polovine XVII v. L., 1984] // *Voprosy istorii. 1986. № 5. S. 116–118.*

Gurevich A. YA. *Istoriya istorika. M.*, 2004.

Fursenko A.A. *Iz istorii russko-amerikanskih otnoshenij na rubezhe XIX–XX vv. // Iz istorii imperializma v Rossii. Trudy LOII. Vyp. 1. M.; L.*, 1959. S. 219–269.

Krest'yanskaya vojna v Rossii 1773–1775 gg.: Vosstanie Pugacheva. L., 1966. T. 2.

Lebedev S.K., Petrov YU. A. *Akademik Boris Vasil'evich Anan'ich: tvorcheskij put' uchenogo // Rossiya i mir v konce XIX — pervoj polovine XX v Sbornik k 85-letiyu Borisa Vasil'evicha Anan'icha. SPb.*, 2017.

Limonov YU. A., Mavrodin V.V., Paneyah V.M. *Pugachev i ego spodvizhniki. M.; L.*, 1965.

Lyashchenko P.I. Istoriya narodnogo hozyajstva SSSR. M., 1956. T. 1. Izd. 4.

Paneyakh V.M. [Rec. na kn.: Ovchinnikov R. V. Manifesty i ukazy E. I. Pugacheva: Istochnikoved. issled. M., 1980] // *Voprosy istorii.* 1981. № 6. S. 134–136.

Paneyakh V.M. [Rec. na kn.: Zimin A. A. V kanun groznyh potryasenij: Predposylki pervoj Krest'yanskoj vojny v Rossii. M., 1986] // *Voprosy istorii.* 1987. № 5. S. 132–134.

Paneyakh V.M. Boris Aleksandrovich Romanov // *Voprosy istorii.* 1957. № 12. S. 213–214.

Paneyakh V.M. Boris Aleksandrovich Romanov i Ivan Ivanovich Smirnov // *U istochnika.* M., 1997. Vyp.1: Sb. v chest' S. M. Kashanova. CH. 2. S. 490–545.

Paneyakh V.M. Bor'ba narodov Bashkirii // *Krest'yanskaya vojna v Rossii 1773–1775 gg.: Vosstanie Pugacheva.* L., 1966. T. 2. S. 205–236.

Paneyakh V.M. Bor'ba za Bashkiriyu // *Krest'yanskaya vojna v Rossii 1773–1775 gg.: Vosstanie Pugacheva.* L., 1966. T. 2. S. 133–156.

Paneyakh V.M. Dobvol'noe holopstvo v pervoj polovine XVII v. // *Istoricheskie zapiski.* 1982. T. 108. S. 155–188.

Paneyakh V.M. Holopstvo v pervoj polovine XVII v. L., 1984.

Paneyakh V.M. Holopstvo v XVI- nachale XVII v. L., 1975.

Paneyakh V.M. Iz istorii kabal'nogo holopstva v XVI v. // *Voprosy ekonomiki i klassovyh otnoshenij v Russkom gosudarstve XII–XVII vv.* M.; L., 1960 (Trudy LOII AN SSSR. Vyp. 2). S. 101–128.

Paneyakh V.M. Iz istorii zakreposhcheniya krest'yan v konce XVI — pervoj polovine XVII v. // *Istoriya SSSR.* 1981. № 5. S. 164–173.

Paneyakh V.M. K voprosu o tak nazyvaemyh derevenskih sluzhi-lyh kabalah Spaso-Priluckog monastyrya // *Problemy istochnikovedeniya.* 1956. T. 5. S. 210–230.

Paneyakh V.M. K voprosu ob ukaze 1601 g. // *Problemy istochnikovedeniya.* 1961. T. 9. S. 262–269.

Paneyakh V.M. Kabal'noe holopstvo na Rusi v XVI v. L., 1967.

Paneyakh V.M. Novgorodskaya zapisnaya kniga staryh krepostej 1598 g.: (Opyt rekonstrukcii) // *Istoriya SSSR*. 1960. № 1. S. 175–181.

Paneyakh V.M. Novye materialy o Novgorodskom vosstanii 1650 g. // *Voprosy istorii*. 1981. № 2. S. 83–90.

Paneyakh V.M. O stepeni uchastiya narodnostej Bashkirii v Krest'yanskoj vojne 1773–1775 gg. na pervom ee etape // *Voprosy istorii Urala: Materialy 2-j nauch. ses. vuzov Ural. Zony v g. Permi*, 20–22 apr. 1965 g.

Paneyakh V.M. Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovič Romanov. SPb., 2000.

Paneyakh V.M. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v nauchnom nasledii A. A. Zimina // *VID*. 1983. T. 14. S. 107–135.

Presnyakov A.E. Lekcii po russkoj istorii. Severo-Vostochnaya Rus' i Moskovskoe gosudarstvo. SPb., 2020.

Romanov B.A. Oчерkov diplomaticheskoi istorii russko-yaponskoj vojny. M.; L., 1947; 2-e izd. M.; L., 1955.

Skrynnikov R.G. Rabstvo i kabala v XVI v. // *Istoriya SSSR*. 1976. № 3. S. 156–169.

Smirnov I.I. Vosstanie Ivana Bolotnikova 1606–1607. M., 1951.

Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii. L., 1987.

Strumilin S.G. Hernaya metallurgiya v Rossii i v SSSR: tekhnicheskij progress za 300 let // *Trudy Instituta istorii nauki i tekhniki*. M., 1935. T. 4.

Strumilin S.G. Istoriya chernoj metallurgii v SSSR. M., 1967.

Vovina-Lebedeva V.G. Popytka samoanaliza: o nesostoyavshih-sya memuarah V.M. Panekha // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2018. № 4 (20). S. 227–246.

Zimin A.A. I.S. Peresvetov i ego sovremenniki. Oчерki po istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI v. M., 1958.

Zimin A.A. [Rec. na kn.: Paneyakh V.M. Holopstvo v XVI — nachale XVII veka. L., 1975] // *Voprosy istorii*. 1976. № 9. S. 165–168.